

Медный гусь

Автор:

Евгений Немец

Медный гусь

Евгений Немец

Исторические приключения (Вече)

Первая четверть XVIII века. В Тобольск приходит царский указ: отправить в Белогорскую волость отряд с целью отыскать вогульского идола, известного как Медный гусь. В конце весны экспедиция отправляется в путь, и почти сразу с участниками ее начинают происходить странные и загадочные случаи. Вскоре русские узнают, что по их следу идет ватага разбойников, а времени на то, чтобы дать им отпор, у тобольчан нет. Однако, с трудом добравшись до Белогорского капища, русские обнаруживают его пустым – вогулы ушли и забрали святыни с собой...

Евгений Немец

Медный гусь

© Немец Е. А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Всевидящий Бог наш христианский, Творец всего сущего, Зодчий храма Своего и оберегатель сада и мыслящих овец, издавна Своею волею предназначтал возгласить евангельское учение из Тобольска, града знаменитого, во все концы Сибири до края вселенной.

С. У. Ремезов. «История Сибирская»

Государева грамота

Тобольский воевода князь Михаил Яковлевич Черкасских озадаченно смотрел в государеву грамоту и чесал затылок. Государева гонца он час назад определил на постой, дав ему три дня на отдых от долгой дороги, а себе – время сочинить ответ. Но ответ государю всея Руси требовалось давать после того, как сообразишь, чего делать, а вот это воеводе виделось затруднительным, потому как смысл грамоты был неясен.

Михаил Яковлевич подошел к окну. С высоты Алферовского холма, на котором покоилось Вознесенское городище и его, князя тобольского, Архиерейский дворец, открывался бескрайний простор. Взгляд легко сбегал по склону Алферовской горы, вдоль аллеи Пермского взвоза, вымощенного сосновым кругляком, прямо к крышам домов, усадеб и амбаров нижнего посада. Но на разлившемся Иртыше взгляд замирал, терялся. Иртыш кипел бронзой – это вечернее солнце насыщало светом реку, играло в ее ряби густыми и жирными, как масло, бликами. Вверх по реке у дальнего берега по мелководью шла на шестах вереница плотов – сплавщики гнали в Тюмень кедр и сосну. Со двора гарнизона доносился гам стрелецкой муштры. В казачьих конюшнях ржали и фыркали лошади, распряженные, но еще не охолонувшие от дневной дозорной службы. По Пермскому взвозу торопились на вечерний молебен монахи. В гостином дворе купцы сворачивали свои палатки. Где-то у восточной окраины, видно почуяв дикого зверя, брехали-заливались псы. На улицах посада суетился в своих насущных заботах городской люд. Тобольск был русским городом, православным до последнего гвоздя, но на нем Русь и заканчивалась. Там, на севере, куда гнал свои мутные воды Иртыш, в весенней дымке притаилась тайга – вотчина бескрайней дремучей Югры, давшей приют татарам, вогулам, остякам, ненцам, селькупам и прочей языческой самоеди. Сколько православных

епископов головы свои сложили, пытаюсь окрестить непокорный Урал, а затем и Югру, сколько русских воинов желали мечом крест донести, да порубленные в той земле и остались. Без толку все: как кланялись некрести болванам своим, так и кланяются. Не принимала древняя тайга православной веры, хранила преданность своим духам и демонам.

Князь отвернулся от окна, потрянул головой, прогоняя смутную тревогу, и еще раз внимательно перечитал грамоту. Вкратце суть ее была такова: князю-воеводе Черкасских надлежало организовать поход малым отрядом в Белогорскую волость с целью отыскать шайтанчиков, поклоняющихся идолу Медный гусь, по сказаниям способного предвещать грядущее, и доставить на глаза государя того болвана и шайтанчиков, ему поклонявшихся. В приписке говорилось, что за средствами на организацию похода следовало обратиться к дьяку Сибирского приказа Обрютину Ивану Васильевичу.

«Что же задумал государь? Какая вошь его укусила?..» – удивлялся князь Черкасских.

Михаил Яковлевич испытывал досаду и раздражение, ибо подтекст грамоты оставался для него загадкой. Решив, что одна голова – хороша, а две – лучше, он призвал посыльного и велел бежать в приказную избу за дьяком Обрютиным.

Сибирский день недолог; когда дьяк явился, солнце уже пряталось за далекий Урал, и над городом поднимался сумрак, напитанный сырой прохладой Иртыша. Воевода кликнул прислужника и распорядился насчет закуски. Пару минут спустя на столе уже стояла горящая лучина, водка, копченая осетрина, соленые грузди и моченая клюква.

– Почто сумятица, князь? – откинувшись на лавке, спросил дьяк Обрютин, когда за прислужником прикрывалась дверь.

– На вот, почитай! – Михаил Яковлевич швырнул ему грамоту.

Обрютин склонился над лучиной, внимательно изучил грамоту и, несколько не удивленный, аккуратно положил ее на стол. Затем плеснул по чаркам водку, жестом пригласил воеводу угоститься.

Князю на то время было сорок шесть лет, а дьяку всего тридцать четыре. Но, невзирая на молодость, дьяк отличался умом, хотя и горячим нравом. Он и сюда-то угодил по характеру своему непутевому. Перехватил кнутом поперек спины княжича Лешку Мускутина, сына князя Всеволода Мускутина, так что и кафтан, и рубаха, и кожа на спине лопнули, как перезрелый арбуз. Наказал-то нахального княжича Иван Васильевич за дело, да только не в его власти князей наказывать. Вот и попал в опалу, как стрекоза в навоз. Отправил его государь Петр Алексеевич от греха подальше, службу государственную в Тобольске нести. Третий год уже шел, как дьяк Обрютин за Югрой присматривал, и начало уже надоедать Ивану Васильевичу это занятие, все чаще подумывал он о том, как бы в Москву насовсем вернуться. Но okazji пока не случалось.

– Принимай чарку, князь, и послушай, чего я тебе скажу, – продолжил дьяк. – Ты, наверное, решил, что государь умом тронулся?

Михаил Яковлевич даже отшатнулся от такого наговора, густой бородой затряс и уже хотел было разразиться праведным гневом, но дьяк вдруг расхохотался.

– Да будет тебе, – отсмеявшись, продолжил примирительно Обрютин, – на измену я тебя не толкаю.

– Ты, Иван, все зубы скалишь, а у нас тем временем дело важное киснет, – насупившись, пробурчал воевода.

– А иначе не понять тебе всего предприятия вкупе, – уже серьезно пояснил дьяк и поднял чарку. – Давай, за государя-батюшку и за Россию нашу великую.

Выпили, воевода сел напротив дьяка, деревянной ложкой зачерпнул и отправил в рот груздь. Дьяк закусил осетриной, встал, заложил руки за спину и принялся мерить шагами горницу. Еловый настил пола звонко отзывался на каблуки его парчовых сапог.

– Сдается тебе, Михаил Яковлевич, что затеял государь глупое дело, – вслух размышлял дьяк.

– Да нет же! – рявкнул воевода. Но дьяк гнул свое:

– Оно и верно, на кой черт православному государю вогульский идол? Но это только на твое первое недалекое разумение. Как ты знаешь, прошлым летом я в Москву обоз возил, и пелымский князек Кынча навязался со мной, говорил, что желает великому государю самолично ясак отдать. Ясак он тогда в недостатке привез и в грудь себя бил, что сам перед государем ответ держать будет.

Воевода кивнул, он помнил.

– Я и не думал, что государь на вогула время сыщет, ан нет! На третий день Петр Алексеевич меня с Кынчей призвал и уделил вогулу больше часу времени. Про нравы вогульские государь выпрашивал, про промысел пушной да рыбный, а дьяк при государе все записывал тщательно. Хитрый вогул, как оказалось, в Москву подался не лицом торговать, а испросить на три года ясак сократить, чтобы соболь успел приплод принести, и то, что ясак он бедный дал, тем и объяснил. Государь разрешил и мне наказал, чтобы я с пелымских вогулов на три года ясак вдвое срезал. Так что Кынча, лиса прокудливая, полтора сорока соболей отдал, а на три года вперед три сорока оставил. Ну да это ладно... После того разговора государь распорядился выдавать вогулу на все время его пребывания по четыре чарки вина из своих запасов, по четыре чарки меду да по ведру пива на день, а как соберется вогулич восвояси, выдать ему сукна доброго десять аршин да припасов съестных на всю дорогу. И спросил я себя, а с чего такое уважение государя к темному иноверцу?

Обрютин замер перед князем, давая понять, что ждет от него соображение. Михаил Яковлевич неспешно, по-хозяйски наполнил чарки, протянул одну дьяку, сам взял другую, ответил рассудительно:

– А с чего государю лютовать? Ясак с Югры идет исправно, вогулы на русские обозы и поселения не покушаются, да и на Урале солепромышленников да рудокопов не тревожат.

– На Урале вогулов и не осталось уже, они все у нас тут, в Югре, но говоришь ты верно, – согласился дьяк, принимая чарку. – Соболи и чернобурка подороже золота будут, на них русские купцы в Дамаске палаши и сабли закупают, а у голландцев – корабельные приборы. Петр Алексеевич Россию на шведов поднял, ему надобно, чтобы на Урале и за Уралом спокойно было, а потому он не прочь великодушие проявить. Но сдается мне, не все это...

Дьяк глотнул водки, бросил в рот кусок осетрины, принялся задумчиво жевать.

– Не томи! – князь бахнул по столу кулаком.

– Сто пятьдесят лет прошло, как Ермак своих казаков на Каму привел, – продолжил дьяк, возобновив путешествие по горнице. – Шесть сотен с ним отчаянных голов пришло, завоевал Сибирь Ермак для государства Российского, но за три года и его самого и всех его ратников Сибирь сгубила. Единицы уцелели.

– Так уж и Сибирь! – фыркнул князь. – Ты кривые сабли хана Кучума в уральских духов не ряди!

– И копыта татарские, и стрелы вогульские – это да, – легко согласился Обрютин, – но еще и зимы лютые, голодные, когда трупы товарищей жрали, а от скорбута десны лопались, и страх непроглядный, когда понимаешь, что на родину уже не воротишься, а может, и еще чего... Такого, что истому христианину и не снилось... Все Ермак осилил, через ад своих людей провел, да все равно сгинул.

Михаил Яковлевич и сам все это крепко знал, только никак взять в толк не мог, к чему Обрютин клонит.

– Да при чем тут Ермак?! – выпалил он.

– Да при том, что ни он, ни следом шедшие князья-воеводы да епископы – ни Стефан, ни Питирим – никто крест православный до сих земель не донес. Мне вон мастеровой Андрей Кривоzub давеча рассказывал про вогула-охотника. Неделю не шел ему зверь, решил вогул, что боги прогневались, зашел в первую на пути церковь, притащив за собой оленя, и на паперти перед иконостасом животину и заколол, полную чашу крови горячей набрал и выпил, а потом лик Николая Чудотворца кровью помазал!

Князь спешно перекрестился, хотя удивлен не был, наслышан был Михаил Яковлевич про дремучесть вогуличей.

– Некрести проклятые, – тихо произнес он, добавил громче: – И что? Зверь-то ему пошел?

– Да какая разница! – раздраженно отмахнулся дьяк, глубоко вздохнул, успокаиваясь, продолжил: – Не разумеют они Христа, принимают Его, как очередного божка. Им-то что, одним больше, одним меньше, их все равно у них тьма. Еще одного болвана из чурки вырежут да в ряд таких же на капище вроят: вот полюбуйте, чтим Христа вашего! А епископы наши на пену исходят – как так, Господь православный не может идолов диавольских одолеть!.. Государь наш муж рассудительный, ему надобно, чтобы соболя, осетрина да икра в Москву ровно шли, чтобы промышленники чугуна лили да соль варили, от этого благополучие государства зависит, а для этого за вогулами присматривать следует, а не мечом рубить их за ересь балвохвальскую. Да вот только митрополитам и патриархам нашим нужно как раз обратное, для них иноверец – хуже шведа, хуже тевтонского узурпатора, и на Югрю они смотрят, как на вотчину бесовскую. Для них земля эта – поле для христианского подвига, спят и видят, как на иноверцев крестовым походом идут! Вон, патриарх Адриан как на государя окрысился, попрекает его потаканием иноверцам, а на деле вся брань из-за того, что Петр Алексеевич запретил церкви собственность скупать. А тут со шведом война, и как воевать, ежели тебя твоя же церковь родная не поддерживает, тылы не прикрывает? Как люд без церкви на ратные дела вести?

Михаил Яковлевич уже понял, что ему пытался втолковать Обрютин. У вогулов было много идолов, но два выделялись особо – Золотая баба, след которой исчез сто лет назад, и Медный гусь, притаившийся где-то в Белогорской волости, среди черной топи таежных болот на древнем вогульском капище. Но даже одного идола добыть – удача и козырь государя супротив строптивых попов. Они его попрекают, что он с некрестями нянчится, а он им болвана – нате-ка, полюбуйте, нет больше у вогуличей второго по главенству шайтана!.. И еще воевода подумал: уж не собрался ли часом государь у Медного гуся будущее выведать?.. Но тут же эту мысль отогнал, потому как она своей сутью обвиняла великого государя всея Руси в ереси балвохвальской.

– Что ж, дело и в самом деле важное, – задумчиво согласился с дьяком Михаил Яковлевич.

Он снова развернул грамоту и отмотал ее до второй части, углубился в чтение. Денег государь распорядился выделить на десять служивых, включая сотника,

и на одиннадцатого – толмача.

– Из казаков и стрельцов я отряд соберу, главным поставлю сотника Степана Мурзинцева, он человек бывалый, – продолжил Михаил Яковлевич. – Толмачом пойдет Рожин, лучше него никого не сыскать. Завтра к полудню приходи, будем совет держать. Что ж, Иван, вроде все...

Михаил Яковлевич поднялся, собираясь прощаться с дьяком.

– Не все, князь, – возразил Обрютин. – Есть еще одна мысль у меня. Предприятие намечается сложное, рискованное и, очень может случиться, проигрышное. Не простое это дело, вогульского идола добыть. Нам подстраховаться надобно.

– Ты об чем это? – насторожился воевода.

– Ежели экспедиция наша с пустыми руками вернется, ждет нас не пряник, а кнут.

Черкасских бухнул назад на лавку.

– Это точно, – согласился воевода и запустил пятерню в кудлатый затылок.

– А вот если мы в поход еще, скажем, ученого мужа отправим, чтобы он карты рисовал или там перепись народа по Оби вел, тогда и без болвана хоть какое походу оправдание будет.

– Ну, голова! – обрадовался князь.

– Я с Семеном Ремезовым потолкую, сам он уже не в летах по тайге шастать, так у него сыновей трое, и все в отца. Денег на лишний рот от себя добавлю.

Обрютин старался, конечно, не столько для государства, сколько для себя. Если предприятие удастся, он с Медным гусем в руках въедет в Белокаменную на коне, и пусть Мускутины зубы от злости в порошок сотрут, заслуги его, Обрютина, перед государем все равно будут выше. Медный гусь казался ему той самой оказией, которую он так давно ждал.

– Так тому и быть! – постановил князь и хлопнул в ладоши. – Дюжина – божье число.

Совет

На следующий день к полудню у князя собралось пять человек. Помимо дьяка Обрютина пришли казачий сотник Степан Анисимович Мурзинцев, толмач-следопыт Алексей Никодимович Рожин, зодчий-картограф Семен Ульянович Ремезов и его сын, тоже Семен. Ремезовы появились последними.

Войдя в горницу, старший Ремезов толмачу и сотнику кивок кинул, как кость собаке, но перед дьяком и воеводой голову два раза склонил. Одет он был в опашень цвета меди поверх старого кафтана, на ногах носил хоть и сафьяновые сапоги, да стоптанные вконец, – имел Ремезов достаток, но к ладной одежде так и не приучился. Держался Семен Ульянович с достоинством, даже с вызовом, хоть и росту был среднего, и руку левую правой придерживал – дрожала, и бороденка жидкая почти вся высыпалась, а знал себе цену, на старость и немощность не оглядывался. Говорил ученый дед размеренно, в глаза князю смотрел упрямо.

Сын зодчего Семен, худощавый паренек лет двадцати, над отцом торчал на полголовы, бородой еще не обзавелся, но рыжая щетина на верхней губе уже обозначилась. Одет он был в кафтан коричневого сукна, на голове носил стожок русских волос, а в глазах – голодный взор жадного до открытий исследователя. Младший Ремезов отцовской спесью не страдал, всем поклонился в пояс. Толмач Рожин, увидав, кого ему обузой подсунули, с досады отвернулся, да и сотник Мурзинцев недовольно крикнул, парень смутился, опустил очи долу.

– Задумал я, князь, карту поселений инородческих племен составить, – ничего не замечая, пояснял цель своих изысканий старший Ремезов. Он согнулся над столом и тыкал костлявым пальцем в карту. – А для этого надобно тут, за Тулиным, на восток свернуть...

– Не пройти там, – заметил толмач. Семен Ульянович запнулся и уставился на Рожина, как на привидение. Взгляд у Рожина был не злой, но холодный, без жизни и милосердия. Такой взгляд бывает у душегубов или у тех, кто сатане

в глаза заглянул.

Алексей Рожин был родом с Урала, с какого-то крошечного русского поселения на Сосьве. Изба их на отшибе стояла, за версту от прочих дворов. Мать померла при родах Ульяны (второй дочери), а семь лет спустя отца в тайге медведь задрал. Так что парнишка еще отроком главой семьи сделался. Две сестры младшие у него оставались: Софья, двенадцати лет, и Ульяна – семи. Два года худо-бедно жили, охотой да рыбалкой кормились, корову и курей держали, а потом беда нагрянула.

Урал огромный, в нем затеряться легко, вот и прут туда потерянные души, ушкуйники бывшие, беглые каторжники, душегубы да насильники, коим человека убить, что таракана прихлопнуть. Алексей в таежную заимку ушел, силки проверять. А вернувшись, застал Софью посреди горницы нагой в луже запекшейся крови. Снасильничали ее, а потом горло, как барану, перерезали. Ульяну Алексей обнаружил в подполе связанную, с кляпом во рту, едва живую. Курей грабители забрали, корову увести не могли, хлопотно с ней в пути, – закололи, не разделявая, куски мяса срезали. Все, что ценность имело, кубок серебряный да пару бобровых шкурок, забрали, амбар дочиста, до последнего зернышка, выгребли.

Алексей Софью схоронил, Ульяну оставил людям в селении, последними деньгами с ними расплатился, чтоб выходили, а сам в погоню ударился. Он шел за ворами, как волк за овечьим стадом, чуть кто поотстал или в сторону отшатнулся – тихо и быстро резал. Под конец довел душегубов до ужаса, думали они, что вогульские духи на них ополчились. Месяц Алексей преследовал разбойников, шестеро их было, и всех одного за другим выбил, и трупы не хоронил, бросал волкам на съедение, чтобы души их черные вечность мучились.

Домой Алексей вернулся к осени. Ульяна от пережитого так и не оклемалась, Рожин застал ее живой, но с каждым днем девушка угасала и к первым дождям тихо померла. Алексей похоронил сестренку рядом с Софьей, там же и матушка с отцом лежали, четыре креста на холме, под которым Сосьва серебряным калачом изгибалась... Смотрел на них Алексей и понимал, что хоть красивы эти места, глаз не оторвать, а не принимают они Рожиных, изгоняют, отторгают... А потому собрался в дорогу и навеки покинул отчий дом.

С тех пор кем он только не был. На Чусовой к сплавщикам бурлаком нанимался, с артельщиками руду добывал, со скудельниками курганы рыл, со старателями самоцветы искал, проводником с горными дозорами, коих на поимку воров отправляли, ходил. В Чердыни плотничал, в Соликамске на шахтах соляной рассол качал. По Северной Сосьве вместе с вогулами до Оби спустился, у кондинских остяков жил. Но так толком нигде и не прижился; шел все дальше, гонимый своим проклятьем, сначала вверх по Оби, а потом и по Иртышу, пока не добрался до Тобольска, и дорога эта была длиною в пять тысяч верст и пятнадцать лет жизни.

В Тобольске Рожин целовал крест князю Черкасских. Михаил Яковлевич оценил опыт и сноровку немногословного и слегка диковатого человека, на службу принял, – таких людей всегда полезно при себе держать. С тех пор два лета минуло, и бродяга Рожин уже начинал тосковать по далеким дремучим землям, так что указ князя собираться в дорогу принял сразу, но без радости, потому как суть предприятия казалась ему безрассудной и губительной.

– Вогулы не отдадут идола даром, – сказал Рожин князю. – Как бы кровью не пришлось заплатить.

– На то и отправляю с тобой дозор! – рявкнул воевода.

– Но вогулы – это не самое страшное. Бесы их куда хуже.

– Так ты что, испужался? – князь изобразил лицом презрение, но слова толмача его насторожили.

– Такого испужаться не зазорно, Михаил Яковлевич. Я-то уже пуганый, на меня положиться можно. А вот остальные... Я пойду, конечно, без меня они точно сгинут.

Тот разговор состоялся наперед, а на сегодня был совет.

– Топь там на десять верст, – пояснил Рожин Ремезову. – Да и нету там никого.

Семен Ульянович в негодовании воззрился на князя, взглядом требуя вмешаться и приструнить наглого простолюдина, но Черкасских тоже с сомнением смотрел

на младшего Ремезова и уже начинал склоняться к мысли, что затея с ученым мужем может сорвать все предприятие в целом, да и слову толмача доверял. А вот сотник Мурзинцев с любопытством косился на Рожина, приглядывался. Наслышан он был о толмаче разных баек, порою до смешного нелепых, но пересечься с ним лично раньше Мурзинцеву не доводилось.

– Ты, Алексей Никодимович, думаешь, что я вам в тягость буду? – неожиданно подал голос младший Ремезов. Голос у парня был низкий, уверенный, и в глаза толмачу он теперь смотрел прямо, открыто. – Зря ты это. Мне не впервой.

Семен Ульянович оглянулся на сына, враз сообразил, в чем разлад, вернул взгляд на князя и неожиданно тепло, по-человечески улыбнулся.

– Ты, князь, в Семенке не сомневайся, – сказал он, все еще улыбаясь. – Он выносливый, как сохатый, жилы у него железные, сутки без сна и харчей идти может. А ежели ему дорогу один раз показать, так на всю жизнь запомнит, да и в травах-кореньях лечебных разумеет. Вот если хворь какая в пути с кем случится, что делать будете? То-то! Еще спасибо скажете, что Семенку моего взяли!..

Воевода выслушал Ремезова внимательно, перевел взгляд сначала на сотника, тот пожал плечами, мол, я не против, потом на Рожина.

– Поглядим, – ровно отозвался толмач.

– Погляди, погляди... – пробурчал Ремезов, снова возвращаясь к карте.

Маршрут обсуждали два часа. Вернее, сам маршрут был ясен как божий день – вниз по Иртышу до Самарского яма, оттуда до Белогорья полдня пути. Без малого шесть сотен верст. Дней двенадцать туда и шестнадцать, против течения, обратно. Но старший Ремезов норовил маршрут этот как можно сильнее запутать, и здесь ему надо было обследовать, и туда заглянуть. В конце концов воевода не выдержал.

– Уймись, Семен Ульянович! – гаркнул он. – Я людей не на прогулку, а на государево дело снаряжаю! Ты, видно, попутал, кто кому пособлять должен!

– Ты, князь, изучение земель сибирских прогулкой не обзывай! – взвился дед, тыкая воеводе в грудь сухим, как деревяшка, пальцем. – Идола вогульского они могут и не сыскать, а знания добытые завсегда во стократ пользой воротятся!

– Тьфу! – в сердцах плюнул князь.

Сотник Мурзинцев отвернулся, пряча в усах усмешку, Рожин за перепалкой наблюдал серьезно, не улыбался, дьяк рассмеялся в голос.

– Дегтя ведро тебе в бороду, Иван Васильевич! – бросил ему воевода рассерженно.

– Я знаю те места, – вклинился Рожин. – Разделимся, я с Семеном на берег сойду. Там Иртыш петляет шибко, пока обоз эти петли обогнет, мы с Семеном тайгой пройдем, чего там ему надо будет, посмотрит, и с другой стороны петли на берег выйдем. Здесь, здесь и вот здесь, – он три раза ткнул пальцем в карту. – Так мы в днях не проиграем.

Степан Мурзинцев кивнул, соглашаясь со здравомыслием проводника, а старший Ремезов впервые посмотрел на Рожина с уважением.

– Ну, так тому и быть, – князь облегченно вздохнул.

Дальше обсудили, какие и сколько припасов брать. Под конец воевода велел сотнику собрать людей на свое усмотрение, чтобы выносливые были и неприхотливые. Мурзинцев, задумчиво потирая пальцами лоб, кивнул.

– Ну что, Алексей, – обратился князь к толмачу, – ничего мы не забыли?

– Попроси, князь, митрополита молебен нам в дорогу справить, – тихо ответил Рожин.

И после этих слов, спокойных, даже отрешенных, в наступившей тишине, густой, как кисель, каждый из собравшихся вдруг очнулся, вспомнил, что за суетой сборов и пересудов успел позабыть главное – из похода можно и не воротиться. Старший Ремезов крякнул, князь тяжело вздохнул, а сотнику в голову пришла мысль, что за время совета на поджатых губах толмача ни разу не заиграла

улыбка.

«Что же такое ты видел там, в далекой вогульской тайге, Рожин?» – задался вопросом Мурзинцев, но озвучивать его не стал.

– Добро, – наконец произнес воевода, чувствуя, как вернулась и нарастает вчерашняя тревога. – Митрополит не откажет.

Аврора

Сборы заняли два дня. Митрополит Филофей службу справить не отказал, напротив, как узнал о предстоящем походе, разволновался, глазами заблестел.

– Божье дело ты, князь, затеял, Господь путникам благоволить будет, – изрек митрополит, задрав горе перст. – Мало того, чтобы души путников в балвохвальской тьме не померкли, дам я вам в помощь пресвитера Никона!

Князь хорошо помнил беседу с Обрютиным о том, что епископы спят и видят, как крестовым походом на Югру идут, так что предложение митрополита воеводу не обрадовало, но стоило князю возразить, как Филофей обрушил на его голову такой шквал праведного возмущения и упреков, что Михаил Яковлевич сию минуту примолк и смирился. Спорить с церковью было бесполезно, да и опасно.

Ранним утром восемнадцатого мая путники собрались в нижнем городе у пристани. Иртыш был темен и тих. Река дремала, укрывшись густой ночной прохладой, и во сне была к людям безучастна.

Сотник Мурзинцев взял из казаков только одного человека, Демьяна Ермолаевича Перегоду, остальных отобрал из стрельцов пехотного полка.

– Казаки – народ больно горячий, – ответил сотник Рожину на немой вопрос, – им в лодке месяц не высидеть. Вот Демьян один только сдюжит.

Мурзинцев и Перегода одеты были в красные полукафтаны и темно-синие шаровары, на головах носили черные лохматые шапки, на ногах – короткие сапоги. Слева на поясе у казаков висели ножны с саблями, справа – по длинному кинжалу и свернутой кольцом нагайке, на животе примостились натруски-пороховницы и сумки с пыжами и пулями, из-за спины торчали стволы коротких мушкетов – гренадерских фузей.

Обмундирование стрельцов составлял кафтан зеленого сукна до колен с красным обшлагом, поверху накидка-епанча, на ногах зеленые чулки и тупоносые смазные башмаки с медными пряжками, на головах – шапки с меховым отворотом. Вооружены стрельцы были обычными длинными мушкетами, у половины из-за спины тускло поблескивали наточенные лезвия бердышей, остальные были при саблях. На портупях-берендейках болтались роговые пороховницы и сумки с пулями.

Служивые выглядели бодро, перешучивались, глупые смешки отпускали.

– А что, Степан Анисимович, Медный гусь и вправду так свиреп? Боюсь, вдесятером не одолеем – мож, поболе народу надо?

– А бабы у вогулов красивые? Ласковые?

– Да тебе, Вася, и овца – баба!

– Ох, доболтаешься, укорочу язык твой змеиный!..

Стрельцы заржали.

Со стороны могло показаться, что отряд собирается в речной дозор, но в эту картину не вписывались три человека – толмач Рожин, младший Ремезов и пресвитер Никон.

На Рожине был плотный серый зипун, старенький, но все еще крепкий, на ногах сапоги мягкой кожи на толстой подошве. Длинный кушак несколько раз опоясывал талию и держал на себе деревянную флягу, ножны с тесаком, рог с порохом и сумку с пулями. На плече толмача висел штуцер.

– Доброе у тебя ружье, – кивнул на штуцер Перегода. – Только пока ты один раз пульнешь, я своей гладкостволкой пять успею.

– Лучше один раз, да в цель, чем пять, да в небо, – отозвался толмач, недовольно косясь на стрельцов-пустозвонов.

– Тоже верно, – согласился казак, с прищуром рассматривая толмача.

Семен Ремезов стоял чуть поодаль, в разговоры не лез. Одет он был в шерстяной стеганый опашень, вроде халата, что носят татары, а под ним все тот же коричневый камзол. На голове криво сидела шапка, подбитая бобром. К груди парнишка прижимал полотняную торбу, в которой, судя по выпирающим углам, хранился ларец с писчим набором. За поясом у парня торчал небольшой топор, и, судя по всему, это было единственное оружие, которое он взял в дорогу.

– Слышь, Лексей, – обратился к Рожину стрелец Василий Прохоров, тот, что спрашивал про вогулок. – А правду говорят, что все вогульские бабы ведьмы?

Рожин отвернулся к реке, всматриваясь куда-то вдаль, туда, где противоположный берег терялся в предутреннем сумраке, словно искал там ответ, помолчал, ответил не оборачиваясь:

– Каждая третья.

– Ого! А как отличить ведьму от нормальной? – настаивал Васька вроде в шутку, но в глазах горело любопытство.

– Поцелуем.

– Как-как?

Толмач обернулся и, заглянув стрельцу в глаза, серьезно сказал:

– Если тебя ведьма поцелует, то десять лет для тебя как миг пролетят. Десять лет будешь при ней в холопах ходить и не заметишь того.

– Да ну! – не поверил Васька, – впрочем, в тоне появилась опаска, – следом заявил с деланой бравадой: – Да и на кой их целовать! Рубаху на голову – и все дела!..

– Побойся Бога, ирод! В блуд с иноверками пускаться?! – вдруг загремел пресвитер, и стрельцы приуныли, осознав, что пока с ними отец Никон, о греховных утехах стоит забыть.

Выглядел пресвитер внушительно. Росту под два метра да метр в плечах, четки в огромной ладони, что ягоды рябины в лапе медведя. Взгляд у отца Никона был тяжелый – как придавит им, сразу в грехах покаяться тянет. Черная ряса до пят, на груди серебряный крест в пол-локтя, борода густая покладистая по ветру, как еловая лапа стелется. В руке массивный дубовый посох, в глазах – холодный блеск православной истины.

– Прости, владыка... – потупился Васька.

Показались дьяк Обрютин и князь Черкасских. Сотник цыкнул на стрельцов, чтоб стерли с морд ухмылки, князю доложил о готовности. Присутствие князя и дьяка не требовалось, но им обоим хотелось убедиться, что экспедиция благополучно отчалит. К тому же наемни к вечеру случилось князю наблюдать такую картину: огромная гусыня гнала по подворотне бродячего пса, шипела, как десяток гадюк разом, за хвост и уши собаку норовила тяпнуть. А пес скулил и тявкал и, поджав хвост, на трех лапах от нее убегал, четвертую, покалеченную, по земле волок.

«Знамение это мне? – с тревогой спрашивал себя князь. – Уж больно совпадение сильное. Не погонит ли Медная гусыня от себя русского человека, как квелога пса?..»

Ответ князь так и не придумал, а потому всю ночь толком не спал, ворочался и наутро решил самолично убедиться, что дела не так плохи, как ему мерещится.

Переживал за предприятие и Обрютин, в нем опасение возникло, когда митрополит экспедиции пресвитера навязал. Желал и для себя отец Филофей славы в борьбе с иноверцами – видел это дьяк. Только вот излишнее рвение митрополита могло поперек всего дела встать.

«Теперь их тринадцать, чертова дюжина, плохое число, – с досадой думал дьяк, но понимал, что один пресвитер и десять ратников – это еще не епископ с пехотным полком, на крестовый ход не тянет. – Так что задумал митрополит, скорее всего, простую разведку, а как выведает отец Никон, где да сколько остяков да вогулов живут, вот тогда митрополит в князя мертвой хваткой вцепится, чтоб отпустил с ним пехоту да казаков идолов рубить».

Светало, предутренний сумрак таял. Пора было выступать.

– Ну, с Богом, – напутствовал князь, немного успокоенный ладностью утра и сборов.

На воде, дожидаясь путников, покачивались два шестивесельных струга. Эти суденышки тобольские корабельщики специально мастерили для речных дозоров. Небольшие, в длину восемь-десять метров, а в ширину всего метра три, легкие и юркие, со съемной мачтой для прямого паруса, они вмещали десяток человек и для похода оказались в самый раз. У каждого судна мачту венчал синий стяг с золотыми алебардами, пирамидой и алыми знаменами – герб Тобольского гарнизона.

Погрузились, отчалили. Рожин, отдавший рекам полжизни, был за кормчего, он вел головное судно. Вторым стругом заправлял Мурзинцев, не единожды ходивший в речные дозоры.

На востоке небо порвалось малиновыми лоскутами, враз посветлело. В стеклянном, студеном с зимы небе белоснежно высветились громады облаков, которые бесконечным караваном неторопливо дрейфовали на запад. Дымка над рекой таяла на глазах, по воде побежала искристая рябь, словно река ото сна стряхивалась. У дальнего берега теперь были заметны лодки рыбаков, ставивших в поймах неводы на стерлядь. Обрадованно закричала чайка, углядев на мелководье стайку мальков. Поднялся попутный ветерок, погнав по течению мелкие волны, зашумел-отозвался лес по правому берегу. Поставили парус, и струги, плавно набирая ход, устремились вперед, на северо-восток, вслед за рекой... А малиновые росчерки в небе уже распались, расплавились в огненно-желтом, горизонт на востоке разгорался восходом – над Иртышом вставало горячее майское солнце.

Путники зачарованно следили за великолепием сибирской авроры, такой знакомой, но всегда новой, только Алексей Рожин смотрел назад, на оставшийся позади Тобольск. Нижний город, спрятанный в тени Алферовского холма, млея в сонной дреме, но Софийский собор венчал Вознесенское городище, и к его золотым крестам на куполах уже дотянулась лапа солнечного пожара. И эти кресты полыхали факелами.

Обский старик

Первые три дня пути прошли размеренно, неторопливо. Иртыш был спокоен, струги нес равнодушно, как случайные бревна. Попутный ветер поднимался не часто, так что в основном шли на веслах. Весенние ночи холодны, к вечеру приходилось причаливать к берегу и разбивать лагерь, разводить костры.

К вечеру третьего дня, миновав без остановки вогульскую волость Ясколба, добрались до Фролово – русского поселения на два десятка изб с часовенкой. Имелся там и постоянный двор, правда срублен он был на скорую руку и выглядел ветхо, потому как, кроме ямщицких обозов да речных дозоров, никто в нем нужды не испытывал. Отцу Никону местные обрадовались, просили службу справить. Пресвитер противиться не стал, тут же епитрахиль на шею повесил и велел созвать всех на молебен к часовне. Мурзинцев оставил у стругов караульного, остальных отправил на постоянный двор устраиваться на ночлег.

Когда отец Никон закончил службу, ночь уже наползала с востока. Она двигалась медленно, но настырно, гася в Иртыше отблески, а в лесах голоса дневных птиц. Где-то утробно заохала сова. Откуда-то издалека ветер принес отголосок медвежьего рыка, злого по весеннему голоду.

Рожин спустился к стругам, перекинулся парой слов с караульным, вдруг замер, настороженно всматриваясь в темный Иртыш. Там тихо плыла по течению лодка, почти неразличимая в сумраке позднего вечера.

– Слышь, Лексей, – обратился к толмачу караульный. – Мерещится мне или вправду лодка там?

- Не мерещится, - заверил Рожин.

- Остяк?

- Вогул.

- Ну и глаз! - удивился караульный. - Как ты их различаешь?

- По запаху, - отмахнулся толмач и, озадаченный увиденным, заторопился на постоянный двор.

Крик Мурзинцева Рожин услышал еще у ворот, шагу прибавил, снимая с плеча штуцер. Мало ли что - на Иртыше лодка с вогулом, тут Мурзинцев орет - может, местные какую диверсию устроили?.. Толмач двери распахнул, в горницу ворвался и замер.

- Тьфу ты, напасть, - облегченно выдохнул он.

Васька Прохоров валялся под столом, Игнат Доля пока что сидел на лавке, вцепившись в нее огромными своими ручищами и, судя по тому, как его качало, отчаянно пытался не упасть. По полу, громяхая, катилась пустая ведерная ендова, источая кислый запах браги. Мурзинцев остервенело жевал левый ус и сверкал глазами. Над стрельцами он нависал грозовой тучей.

Выяснилось, что еще до того как народ собрался у часовни на вечернюю службу, Васька Прохоров по прозвищу Лис и его лепший друг Игнат Доля по прозвищу Недоля выменяли у местных на порох ведро браги и за час нарезались до бровей.

Прохоров и Доля друг друга стоили.

- Просватали миряка за кликушу, - так описал эту парочку как-то казак Демьян Перегода.

Васька был невысок и жилист, Игнат же перерос его на полторы головы; Прохоров сложен был крепко, сбито, как волк, Доля кость имел худую, зато ладони огромные, как весла. Оба были острые на язык, но Васька жил

хитростью, изворотливостью, хотя, как и подобает лисе, загнанной в угол, дрался отчаянно и беспощадно; Игнат же был прямодушен и простоват, так что случись опасность, первым лез в драку. Он и теперь по пьяному своему простодушию хотел что-то возразить сотнику, за что сию минуту и отгреб от командира кулаком по морде. От удара Игнат потерял опору и гулко бухнул рядом с товарищем. Хотя Мурзинцев знал точно, что затею с пьянкой обстроил Васька, который теперь забился под стол и делал вид, будто впал в хмельное беспомыслие.

– Вы у меня до кровавых соплей вкалывать будете! Ижицу пропишу! – бранился раскрасневшийся лицом сотник. – Без смены на веслах до Белогорья!..

– Молчи! – дернул его за рукав Рожин.

– С завтрашнего все ночные караулы ваши! – не обращая внимания на толмача, отчитывал подопечных Мурзинцев.

– Да не лютуй ты так, Степан Анисимович, – подал голос из-под лавки Недоля, – добудем ты тебе Медного гуся...

– Да заткни ты его! – взревел Рожин, и сотник в недоумении на него воззрился, обратив, наконец, внимание на присутствие толмача.

– Ты-то чего буянишь?! – недовольно бросил он.

– Ты, Степан Анисимович, распорядись, чтоб твои служивые про цель нашего похода помалкивали, да и сам лишнего посторонним не рассказывай. Ты что ж думаешь, если остяки да вогулы дознаются, зачем мы в дорогу отправились, останутся дожидаться нас да радушный прием готовить?

Мгновение сотник обмозговывал довод Рожина, затем с новой злостью на стрельцов накинулся:

– Ну что, сукины дети, сболтнули кому из местных чего не следует?!

– Вот те крест, Степан Анисимович! – тут же открестился Васька Лис, враз позабыв про свой пьяный обморок.

– Боже упаси! – отрекся следом и Недоля.

Демьян Перегода стоял поодаль и, сдвинув на брови лохматую шапку, почесывал голый затылок. На пьяных стрельцов он смотрел с укоризной. Рожин оглянулся на казака, в лице изменился, про Лиса с Недолей забыл, порывисто к нему подошел.

– Ну-ка, Демьян Ермолаевич, шапку сними, – спокойно, но требовательно произнес он.

– Зачем это? – насторожился Перегода.

– На лысину твою глядеть буду.

Казак склонил голову набок, настороженно рассматривая толмача, но потом все же шапку с головы спустил. При густой бороде и усах цвета ржи Перегода был лыс как яйцо.

– Та-а-а-а-к... – протянул Рожин. – Вот что, Демьян, если придется с вогулами или остяками беседу держать, ты шапку не дай бог не снимай.

– Да я и кланяться им не собираюсь!

– Кланяться – это как сам пожелаешь, а шапку при них ни в коем разе не снимай, – повторил Рожин и отвернулся уходить, но Перегону одолело любопытство:

– Да что с шапкой моей не так?!

– С шапкой у тебя все путем, Демьян. Только лысый ты как колено, а для вогулов с остяками значит сие, что не человек ты – куль. Демон то бишь.

– Ну-ка, Лексей, договаривай! С чего это я вдруг демон? – удивился Перегода.

– Ты, Демьян, знаешь, что вогулы поверженным врагам кожу с головы вместе с волосами снимают? – согласился на пояснения Рожин.

– Слыхал, – недовольно отозвался казак.

– А зачем? – Демьян не знал, пожал плечами, дескать, некрести темные, что с них взять; Рожин разъяснил: – По их поверью, у каждого человека пять душ. Одна душа именно в волосах обитает. У убитого врага вогулы волосы забирают, чтобы помимо жизни одну душу отнять. Ежели они тебя без волос увидят, то за куля примут, ибо только демоны без пятой души жить способны.

Казак опешил, челюсть у него отвисла, в глазах стояло изумление. Рожин снова отвернулся уходить, но тут казак нашелся:

– Да что мне их суеверия! Православный я, у меня одна душа!

– Ну да, – устало согласился толмач и побрел из горницы, тем разговор окончив.

Перегода в сердцах плюнул, коротко выругался, грузно шлепнулся на лавку, бормоча:

– Что мне теперь, из-за вогульской ереси парик из Парижу выписывать?..

На этот диалог Мурзинцев не обратил внимания, все еще занятый Лисом с Недолей. Затем, немного охолонув, окликнул Перегону и распорядился стрельцов утащить с глаз долой, среди трезвых служивых распределить время караула, а сам пошел искать Рожина и вскоре отыскал его на лавке в опочивальне, уже засыпающего, осторожно потрепал за плечо:

– Лексей, ты видел кого? С чего осторожничаешь?

– Вогула на реке видал, – открыв глаза, отозвался толмач.

– И что?

– Подозрительно мне это.

– Надо было местных порасспрашивать, не встречали ли посторонних, – с досадой произнес сотник. – Я и собирался, а взамен на этих... время убил!

– Я порасспрашивал, не видели никого, – отозвался толмач. Сотник облегченно вздохнул. – Скажи, Анисимович, ты почто такое дурачье в поход взял?

– Да они все такие. Балда на балде сидит и балдой погоняет. Эти хоть к ратному делу ладные, стрелять и саблей махать умеют, в переходах проверенные, не падают. Ну а то, что и им бог ума не дал, с этим ничего не поделаешь. Да и откуда в их братии стрелецкой взяться умному? За семь рублей-то в год да пару пудов ржи только дурак терпеть и будет...

Рожин ничего на это не ответил. Он думал о том, что ежели никто, кроме него да караульного, вогула не видел, то значить это может только одно: никто, кроме них, и не должен был его увидеть. А стало быть, явление вогула – знак. Но какой?

Утро вечера мудренее, устало заключил Рожин, закрыл глаза и через минуту уже крепко спал.

С зорькой тронулись в путь и к обеду добрались до вогульского селения Лойтмытмак, но не тормозились. Памятуя опасения толмача, Мурзинцев старался держаться от вогулов подальше. В Лойтмытмаке жило не больше дюжины семей. Завидев струги, вогулы – и мужчины, и женщины, и дети – поднимались и, обратив смуглые скуластые лица к реке, замирали, будто каменели. Рожин рассказывал сотнику, что в каждом вогульском и остяцком селении своя святыня имеется, к которой местные чужих не подпускают. Теперь же Мурзинцев смотрел на вогулов, и казалось ему, что среди приземистых срубов и остроносых юрт местные и сами превратились в деревянных идолов, призванных защитить свои святыни от пришлых. И это сравнение отчего-то вызвало в душе Мурзинцева тревогу.

К обеду следующего дня, в праздник Святой Троицы, дошли до русского поселения Тулин, брата-близнеца Фролово. Сделали большой привал, и толмач с Семеном Ремезовым и Васькой Лисом, который сам напросился, ушли на весь день проверять ученые соображения старшего Ремезова. Шли без малого двадцать верст, но никаких признаков обитания, как и предрекал Рожин, не обнаружили, потом повернули назад. Да и в Тулине ни о каких остяцких или вогульских селениях в округе не слыхивали. Младшего Ремезова неудача нисколько не удручала. Из экспедиции он вернулся бодрый, словно и не ходил никуда, и приволок с собой полную торбу кореньев и трав. Позже, когда вымотанные переходом толмач и стрелец завалились спать, парень достал свой

писчий ларец и долго сидел подле костра, старательно чего-то записывал и рисовал на грубых желтых листах. Рожин же устал не столько от перехода, сколько от Васькиной болтовни. Всю дорогу Лис приставал к нему, просил рассказать про вогулов и остяков и что их впереди ожидает. Но все вопросы его сводились либо к женской половине иноверцев, либо к серебру да золоту, которые у вогулов и остяков в достатке должны были водиться. В конце концов Рожин не выдержал:

- В дырявое ведро воду не наливают, Вася! Так и твоя голова, умного не удерживает!

- Вот ты как, Рожин! - вскинулся Лис. - За людей нас не держишь?!

- А кто тебя знает?! Лицом - человек, а душой - это еще разобраться надо!

- Не наговаривай, я Христа чту!..

- А там, куда мы идем, Христа нету! И когда, Вася, ты это поймешь, когда страх костлявой лапой сердце твое схватит, вот тогда приходи - расскажу, чего знаю!

Стрелец насупился, затаил на Рожина обиду и оставшуюся дорогу толмача не тревожил. А Рожин раздосадовался не столько из-за непутевого стрельца, сколько из-за своей вспыльчивости, и это раздражение выматывало его сильнее перехода. А молодой ученый глаз проводнику радовал. И вправду, выносливый парнишка оказался, и тяга его к природе Рожину по душе пришлась. Так что перед тем как спать лечь, он подле Ремезова-младшего на минуту присел.

- Не соврал про тебя отец твой, - похвалил он парня.

- Ну так!.. - Семен смутился. - Тятка - человек не сахар, но лжи потворствовать не приучен.

- Да я не про то, что жилы у тебя железные, а про тягу твою к земле этой.

Рожин похлопал парня по плечу и отправился спать, а Семен остался у костра, записывал свои наблюдения, но затем отложил писанину и долго сидел, всматриваясь в тлеющие угли и вслушиваясь в бормочущую тайгу.

На следующее утро погода опаршивела, солнце размазало по небу бледно-серой кляксой, оком затянуло мутной моросью. Это и не дождь был вовсе, а едва ощутимая водяная взвесь, мелкая как пыль, сырая и студеная. Зато поднялся крепкий попутный ветер; поставили паруса и до Демьяновского яма дошли с одной ночевкой всего за два дня.

Демьяновский ям, не в пример пройденным деревушкам, был люден и суетлив. Населяли его две дюжины ямщицких семей и еще дюжина семей промыслового люда. Летом заезживали сюда остяки, сдавали прасолам-промысловикам рыбу, у заезжих купцов меняли на пушнину хлеб, соль, снасти, ножи, хозяйскую утварь. Имелась и приказная изба, в которой нес службу подьяк Тобольского приказа. К нему и направился Мурзинцев, как посланец тобольского воеводы, и провел с подьяком весь день, проверяя, насколько Демьяновский готов для водной ямщицкой гоньбы, вдоволь ли запасли овса для бесполезных летом лошадей, в каком состоянии посевные поля и требуется ли зерно на посев, сколько для казны заготовили мягкой рухляди, да на что потрачены государственные кошты.

Отправился с инспекцией православной вотчины и отец Никон. В Демьяновском под присмотром протопопа правил службу клетский храм, небольшой, но ухоженный и ладный. Его маковка с крестом на высокой двускатной крыше была видна из любой точки деревни.

Стрельцы же бездельничали, одежду сушили, за два дня дождем напитавшуюся, в зернь играли да водку пили – Мурзинцев сам позволил и из своих запасов выдал, потому как люд по промозглой погоде да в промокшей одежде до костей промерз, – сибирская весна капризна, то солнце теплое, то лютый холод, недолго и захворать.

Рожин и Ремезов в горячительных возлияниях не участвовали, оба ходили по дворам и визнавали каждый свое: толмач про вогулов и остяков спрашивал, когда те были в последний раз, откуда пришли да куда подались, а Семен Ремезов – про здешние места: не выходит ли где руда на поверхность, и нет ли ручьев, в коих вода железом отдает.

К вечеру подьяк организовал путникам баньку. Местный священник суетился, гостям угодить пытался. Отец Никон косился на него недоверчиво, но инспекция храма нарушений не выявила, да и некогда было пресвитеру мелочовкой заниматься.

Игнат Недоля, даром что пьяный, прежде чем в баню идти, вызнал у хозяев, оставляют ли они для Банного деда снесь, и только получив утвердительный ответ, переступил порог в парилку. Но крестик перед тем все равно снял, чтобы жихарь-банник не задушил. Стрельцы над Игнатом потешались, Васька Лис строил кислую мину, мол, что с вологодского простачка взять, но Игнат на товарищей внимания не обращал. А когда все попарились и, разомлевшие, ушли на ночлег устраиваться, Недоля баню хорошенько вымыл и распаренный веник в кадушке с кипятком оставил, чтоб и Банный дед попариться мог, иначе хворь нашлет.

На следующий день светлым тихим утром, когда Иртыш прятался под туманом, как чадо под одеялом, Рожин, встававший засветло, снова заметил контур одинокой лодки и в ней неподвижную фигуру. И хотя у Фролово толмач едва различил абрис вогульской долбленки, он не сомневался, что и теперь на воде видит ее же и в ней – того же самого человека. Сейчас лодка проходила намного ближе, и Рожин отчетливо разглядел изъеденное морщинами лицо – скуластое безбородое лицо древнего старика, с белесыми глазами, как у слепого. Грязно-серые волосы вогула были заплетены в две жидкие косы и лежали на плечах, словно хвосты выдры. Лоб обрамляло очелье, увешенное медными бубенцами, монетами, стеклянными каплями и оловянными зверушками. Минуту Рожин и старик неподвижно рассматривали друг друга, затем толмач скосил глаза чуть в сторону и не узнал реку. Водный простор тянулся до самого горизонта, дальний берег разглядеть не удавалось. Это был не Иртыш – Рожин понял, что видит Обь.

Толмач вернул взгляд на старика. Дед, словно только этого и ждал, зашевелился, левой рукой выудил из-под ног и поднял за лапы над головой петуха. Рожин затаил дыхание. Тонкие губы старика что-то забормотали, глаза вконец помутнели, обесцветились. Петух, опьяненный камланием, не трепыхался, не кукарекал, только шею вывернул и в один глаз на толмача уставился. Рожин смотрел в этот глаз и не мог оторвать от него взгляд, чувствуя, как заклинания шамана холодными струями оплетают сердце и мутят разум.

В другой руке вогула тускло блеснуло лезвие щохри. Отточенным движением старик вскрыл птахе горло и, все еще бормоча Иртышу заговоры, оросил реку жертвенной кровью. Петух так и не дернулся, только бубенцы на голове шамана осторожно звякнули. И тут же солнце, словно с него шоры сорвали, вспыхнуло над лесом, с Иртыша вмиг сбежала тень, туман над рекой растаял, и загадочным

образом вместе с туманом исчезла и лодка. Толмач стоял на берегу еще долго, но очнувшийся от заклятья Иртыш был угрюм и молчалив, только единожды неподалеку река вдруг чавкнула нервным всплеском, наверное, огромная щука в погоне за добычей вскинулась над поверхностью и со всей мочи приложилась к воде хвостом. Лес за спиной Рожина отозвался на это низким глухим стоном, должно быть порыв ветра натянул паруса осиновых крон, заставив остовы деревьев стонать.

- Иди себе с миром, Обский старик, - тихо сказал Рожин реке, - не тронь нас.

И перекрестился.

Шаман Агираш

До Самаровского яма, от которого до Белогорья рукой подать, оставалось четверть пути. Шли споро, даже быстрее, чем планировали. По вечерам стреляли дикую птицу, ставили сети на пелядь и налима, варили уху, пекли на углях дичь, заправляли самовар. За трапезами слушали длинные повести отца Никона о житии святых или баечки-баладушки Игната Недоли, который знал их столько, что казалось, будто сам их на ходу сочиняет.

Миновали несколько русских поселений, но Мурзинцев Лиса с Недолей в деревни не пускал, так что напиться стрельцам больше не удавалось. Цель похода приближалась, и это будоражило путников, так что и без водки стрельцы горлопанили и гребли ретиво. Да и ладная погода настроения добавляла, только толмач по судну бродил неразговорчивый и понурый, и чем ближе становилось Белогорье, тем сильнее Рожин мрачнел.

- Лексей, ты чего киснешь? - как-то обратил внимание на настроение толмача Мурзинцев.

- Предчувствие у меня дурное, - честно сознался Рожин.

Васька Лис, предусмотрительно разделенный сотником с Недолей, оставался на ведомом струге, но Игнат был на этом, правил средним веслом, а последним

за ним сидел стрелец Егор Хочубей, который умом не славился, а за отвагу принимал все, что шло в разрез с дозволенным. Он и к парочке Лис – Недоля уважением проникся только после того, как они во Фролово браги нажрались. Теперь же Хочубей весло бросил и на разговор сотника с толмачом уши наострил.

– И что за предчувствие? – допытывался Мурзинцев.

– Утром было мне видение, – начал Рожин, не видя причины скрывать. – Вогульский шаман камлал на реке, принес жертву Аутья-отыру – Обскому старику.

– И... что? – из сказанного толмачом Мурзинцев не понял ни слова.

– А то, что это четвертый сын Торума, главного бога остяков и вогулов. Остяки Аутью тоже чтут, только зовут иначе: Ас-ики – Обский старик. Аутья Обью правит, и людям то ойкой, дедом то бишь, то огромной щукой является.

– Так мы ж до Оби еще не добрались, – справедливо заметил сотник.

– Ты, Степан Анисимович, главного не разумеешь. Боги вогулов живут вместе с вогулами. А Иртыш в Обь через сотню верст впадает...

– Слушай, Лексей, я твои осторожности ценю, но тут ты лишку хватил, – усомнился Мурзинцев. – Все это вогульские байки, к тому же ты сам сказал, что тебе шаман примерещился.

– Кабы я так думал, то и заикаться не стал бы. Шаман в самом деле йир сотворил, напоил реку кровью во славу Аутьи, только был он не у Демьяновского яма, а верст за полтора. Вода вокруг шамана была безмерна, другой берег разглядеть не удавалось. А стало быть, то уже не Иртыш, а Обь была. Чует мое сердце, у самого Белогорья он и околачивается, а видение свое по реке прислал, как предупреждение, чтоб не лезли куда не положено. Я такое видал уже.

На такой довод Мурзинцев, с годами привыкший к человеческому чутью с уважением относиться, задумался. Но долго раздумывать ему не пришлось; стрелец Егор Хочубей, тихо следивший за разговором и влекомый силою

собственной веры и еще более могучей силой глупости, вдруг вскинулся и заорал:

– Так вот кто нами заправляет! Толмач-то – еретик! Вогульским байкам, аки Писанию, верит! Да чтоб вы знали, крест мой посильнее будет! А на языческую ересь я клал!..

И с этими словами Хочубей ступил к борту, кафтан задрал, штаны приспустил и брызнул в реку непотребной струей. Да ладно бы просто мочился, в пути все так и делают, только язык свой похабный приструнить не мог:

– Ну что?.. как там тебя... Аутья-богу-душу-мать-батыр! Любо тебе мое воздаяние? Пей-напивайся, не жалко!..

Рожин побледнел и сделал шаг в сторону расхорохорившегося стрельца, даже руку вытянул одернуть, но не успел. Из воды снарядом вылетело серебряное бревно и врезалось стрельцу в пах. Хочубея смело с палубы и бултыхнуло в воду по другой борт. А царь-щука кувыркнулась над стругом, веером рассыпая брызги, словно китайское колесо искры, и с такой мощью грохнулась в реку, что по палубе волна побежала, а сам струг присел, словно в испуге. В весенней воде Иртыша кульбит Хочубея, да при таком-то ударе, значил для него верную смерть, так что Мурзинцев, не мешкая, схватил багор и погрузил его в мутную воду, к счастью, с первого разу зацепил утопавшего, подтащил к поверхности. Рожин принял тело. Багор, зацепивший Хочубея за берендейку, распорол ему кожу на ребрах под левой рукой. От боли стрелец и очнулся, тут же заорал, задергался. Рожин навалился на Хочубея, чтоб тот в горячке не кинулся снова за борт, а Мурзинцев уже кричал на корме дальнему стругу поторапливаться, поскольку лекарь Семен Ремезов был именно там.

Пришлось сделать привал. Хочубей угомонился, негромко скулил, иногда заходил сиплым кашлем, отхаркивая заколдованную вогульским шаманом воду, и со стоном ощупывал дрожащими пальцами пах. Стрельцы притихли, пристыженные и испуганные. Один только Семен Ремезов суетился, не выказывая ни опасения, ни тревоги. Первым делом он распорядился развести костер и надрать бересты и, пока это исполняли, сбрызнул рану на ребрах стрельцу водкой, перевязал. Когда принесли бересту, туго набил ею медный котелок с плотной крышкой, который водрузил на угли. Затем оголил Хочубею срамное место, долго рассматривал разбухший посиневший уд, ощупал кости вокруг, заставив стрельца заскрипеть от боли зубами.

– Кость целая, – постановил лекарь, возвращая портки на место. – Но мочиться тебе, друже, неделю через ой-ой-ой придется.

Далее Ремезов отправился в лес искать какой-то особенный мох. Пару часов спустя он его отыскал и, воротившись, напихал зеленую мякоть пострадальцу в пах. Выудил из-за пазухи склянку с жижей цвета сепии, разболтал несколько капель в чарке с водой (снадобье воняло ужасно), влил стрельцу в рот. Хочубея к тому времени лихорадило, так что отец Никон бдил подле хворого, молился и ждал, когда тот просветлеет сознанием для причастия, может быть, последнего.

За это время успел отличиться Игнат Недоля. Он взялся рубить дрова, да так увлекся, что зарядил себе обухом топора по лбу. Пришлось Семену и его в чувства приводить.

К вечеру Егор Хочубей притих, забылся сном, а путники собрались за трапезой у костра. Жевали полву с сухарями, но без аппетита, мысли всех крутились вокруг случившегося.

– Щука, говоришь? Да в ней полторы сажени! Я о таких щуках слыхом не слыхивал. Она же башку человеку откусит и не подавится! – разгорячился стрелец Ерофей Брюква, человек замкнутый и угрюмый, недоверием под самую макушку набитый; ну да теперь несуразица с Хочубеем подвигла и его свое слово сказать.

Перегода по своему обыкновению в задумчивости шапку на лоб сдвинул и чесал голый затылок, слушал молча.

– Иртыш безмерный, а по реке и щука, – рассудительно молвил сотник, потирая пальцами лоб. – Чего без толку рыбину в демона рядить?

– Что-то мы ни налима, ни осетра таких размеров не брали! – съязвил Васька Лис, изначально на язвительность настроенный. – Чего ж они не по реке-то?

– А крест на голове у щуки был? – вклинился Игнат Недоля, сияя гулей на пол-лба.

- Чего? - не понял Васька Лис.

- А того. Щука щуке рознь. Господь щуку сотворил, чтобы она в реках да озерах княжила, а черт, на то глядя, и себе решил водяного волка вылепить. Господь, об том узнав, всех своих щук пометил, с того дня все его щуки на голове крест носят. А у чертовой щуки креста на голове не бывает.

- Понеслась! - с досадой произнес Лис.

- Стрелецкое горло - суконное бердо: все перемелет, - вставил Демьян Перегода, с улыбкой глядя на Игната.

- То правда! - упрямо гнул свое Недоля. - Вот что мне дед рассказывал. Случилось ему щуку поймать на три пуда весом. Невод окаянная в лопать изорвала, но дед тогда молодой был, осилил, выволок проклятую на берег. Да так улову обрадовался, что тут же поволок ее домой. А щука и не трепыхалась, прикинулась, будто издыхает. Дед рыбину во дворе в бочку сунул, сам в избу пошел домашним хвастаться да казан для ухи готовить, а собака вокруг бочки прыгает, лает-заливается, пеной исходит. Почуял пес недоброе, ну да хозяин его без внимания оставил. А собака допрыгалась до того, что бочку перевернула, тут щука притворство свое и сбросила, в глотку ей вцепилась и горло вмиг перегрызла. Когда дед во двор вышел, пес по земле гончарным колесом крутился, лапами сучил, кровушкой двор поливал. Бочка перевернута, а щуки нигде не видно, только след за околицу тянется, словно громадный полоз прополз. Побежал дед по следу, до озера-то недалече было, да все равно не нагнал. Услыхал только, как бултыхнуло в воду тяжелое. Подошел к берегу, а из воды морда щучья поднялась и на деда уставилась, будто ухмылялась. Дед смотрит, а на голове-то креста и нету. Не Божья то щука оказалась, а водяная анчутка.

- Мели Емеля, твоя неделя, - махнул рукой на Игната Ерофей Брюква.

Недоля недовольно хмыкнул.

- А что, славная сказка, - похвалил Васька Лис. - Надобно Хочубея спросить, не видал ли он крест на щучьей башке?

– Исчадия сатанинские на каждом шагу праведника подстерегают, и в том, что диавол в рыбину вселился, несуразного нету! – прогремел авторитетный бас пресвитера, который к тому моменту оставил спящего Хочубея и присоединился к трапезникам. – В земли иноверцев мы крест несем, на каждом шагу нас бесы стерегут, понеже верою своею нам дух крепить надобно!

– Вот и Рожин про бесовское отродье толкует, – заметил Недоля, который толком-то разговор толмача и сотника на струге не слышал, но пару слов ухватил.

– Ну-ка, Лексей, просвети нас, аки Кирилл с Мефодием! – тут же востепенел Васька Лис, глядя на толмача с издевкой. – Какие такие демоны?

Рожин оглянулся на Мурзинцева, тот кивнул, мол, чего таить, время всем знать. Толмач вздохнул и рассказал товарищам о явлении вогульского шамана. Слушали его внимательно, но когда он упомянул Обского старика, Мурзинцев вмешался:

– Вспомнил я! Ермак же с казаками своими в щепы разнес болвана того. Больше века назад еще.

– Ты спутал малость, – не согласился Рожин. – Дело так было. Ермаковский пятидесятник Богдан Брызга с дружиной вышел из отвоёванного у татар Искера и отправился к устью Иртыша, прям как мы сейчас. Остяцкий князек Самар в те времена тут вес имел, на Самаровском чугасе острог свой держал, Тонх-пох-вош назывался. Самар ждал казаков, восемь князьков остяцких да вогульских вокруг себя сдружил, дабы отпор непрошеным гостям дать. Да только куда им с пиками да луками супротив мушкетов и пушек. Тонх-пох казаки взяли быстро, но остяки не ушли, укрепились в полуверсте от острожных стен и решили богов своих на помощь призвать – Орт-ики жертву принести, а потому в Белогорье за болваном Князя-духа, а не Обского старика, посыльных отправили.

– В этих их ойках да отырах сам черт ногу сломит. Поди разберись в них, – пробурчал сотник.

– Отыр по-вогульски витязь, богатырь. Ойка – старик. А остяки богатыря урт зовут, деда – ики, – пояснил Рожин, продолжил рассказ: – В Белогорье тогда четыре капища было, в одном Калтащ-ини кланялись, а Калтащ у остяков

и вогулов все равно что у нас Пресвятая Дева Мария, то бишь обережница и заступница. Другое капище для Медного гуся обустроили. В третьем Обский старик обитал. А в последнем Орт-ики – Князь-дух. Ну так вот, шайтана Князя-духа посыльные притащили, коня для заклания к столбу привязали, и шаман уже собрался йир творить, но казаки, глядя на это безбожие, из пушки по иродам шарахнули. Тот залп князя Самару и порешил, а остяки с вогулами, без воеводы и болвана Ас-ики оставшись, разбежались. На месте же Тонх-пох-воша позже Ермацкий сотник Иван Монсуров обустроил острог по христианскому разумению, куда опосля ямщиков с семьями и поселили, и острог стал Самаровским ямом. Так мы знаем. Но слышал я от вогулов и еще кое-что. С болваном Князя-духа ничего не случилось, и шаман, который тогда коня собирался заклать, тоже уцелел. Болвана он забрал и ушел на север, и где шайтана схоронил, одному ему известно. Звали того шамана Агираш, и он из вогулов, а не из остяков. Богдану Брязге дальше на север идти несподручно было, ни людей, ни снеди не хватало, так что в Самарском остроге он караул оставил, а сам в Искер воротился, сговорившись с Алагеем о мире. Остяцкий князек Алагей в то время Кодским княжеством заправлял, что от Самаровского ниже по Оби. Но Алагей хоть и дал слово Ермаку служить, сам с его врагами переведы держал. Когда Ермак, татарской стрелой раненный, утоп, а случилось то на реке Вагай, тело его неделю спустя татары-рыбаки уже в Иртыше сетями выловили. Все татарские мурзы и сам хан Кучум на убиенного Ермака посмотреть съехались. Месяц пировали, и все то время тело казацкого воеводы на воздухе лежало, и гниль его не брала. А когда супостаты в него пику воткнули, из тела кровь потекла, как из живого. Глядя на такое чудо, татары и к мертвому Ермаку страхом и уважением прониклись. Похоронили его с почестями, коих великий полководец заслуживает, а доспех Ермака хан Кучум в Белогорье свез и на капище Калтащ-ини Алагею для сбережения передал, потому как и татары, и остяки, и вогулы уверовали, что доспех тот заговоренный.

– Поди, так оно и было, раз Ермака столько лет некрести извести не могли, – вставил Недоля.

– Никакой заговоренный доспех Ермаку Тимофеевичу потребен не был, поелику он крест на груди нес! – гневно оборвал стрельца пресвитер.

– Как скажешь, отче, – легко согласился Недоля.

– Доспех самого Ермака! – поразился Васька Лис.

- Да не может того быть! - не поверил Ерофей Брюква.

- Отчего же не может? - рассудительно заметил сотник. - Могилу Ермака ж не нашли, где татары его схоронили, никому не ведомо, проверить невозможно. А доспех на воеводе добрый был, поди, золотом расписанный, к чему его в землю?

- Что от воголов слыхал, тем и с вами делюсь, - продолжил Рожин, дождавшись, когда все утихнет. - Откуда б иначе они про доспех дознались? Еще и в подробностях, о том, что, окромя шелома, доспех полный был. Броня-кряк, поножи, наручи, даже зеркало.

- Ох, отыскать бы доспех тот!.. - размечтался Васька Лис.

- Почто он тебе, дубина? - со смехом спросил Мурзинцев. - Перед бабами красоваться?

Васька отмахнулся, мол, что б ты понимал в великих реликвиях, а сам глазами разгорелся, почуяв возможную добычу.

- Ладно, Лексей, сказывай дальше, - попросил Лис, весь во внимание обратившись и про издевки забыв.

- А дальше доспех тот, а с ним и все святыни, что на капище Калтащ-ини хранились, Алагей увез и где-то на реке Калтысянка упрятал.

- Калтысянка... - эхом отозвался Васька Прохоров, видно запомнить хотел.

- Чего ж Алагей прочие капища оставил? - спросил Мурзинцев.

- О том не знаю наверно, может не успел. Кодский народец не шибко своего князя любил, да и князек вогульский Казыка, что с Конды, все норовил Алагею горло перерезать, за то, что тот на волю пришлых сдался. В общем, вскорости кодского князька порешили, а с ним и к доспеху Ермака ниточка оборвалась. А на Белогорье с того времени только два капища остались. Одно с Медным гусем, другое с Обским дедом.

– Ну а Медный гусь – что за важная птица? С чего вогулы так его чтут? – решил поучаствовать в разговоре Перегода.

– Чтут и вогулы, и остяки, – ответил Рожин. – Медный гусь – шайтан на два бога, один его лик – лик Калтащ-эквы, второй – Мир-сусне-хума. Про Калтащ я рассказывал, она Великая мать всех остяков и вогулов, а Мир-сусне сын ей, самый младший сын Торума. Главный их бог Торум делами земными не ведает, скучны они ему, за него те дела его жена Калтащ и сын Мир-сусне решают.

– Ну ладно Калтащ-баба – гусыня, но мужик-то с какого перепугу гусем оборачивается? – допытывался Демьян Перегода.

– Вот и я так когда-то у вогулов спросил, – отозвался толмач. – И отвечали мне, что гусь – птица сильная и мудрая и по мудрости своей будущее зрит. А еще гусю все стихии доступны. Он в небе летает, по земле ходит и по воде плавает. Так и Мир-сусне-хум на небо к Торум-отцу воспаряет с докладами, что внизу творится, по земле ходит, за людьми и зверьем приглядывает, по воде плавает, следит, чтобы у всякой речной твари и рыбы все в ладности шло. Медный гусь для них главный заступник, и ежели в каждом пауле иле воше свой местный божок водится, о котором в соседнем селении люд ни сном ни духом, то к Медному гусю на поклон и с Сосьвы, и с Конды, и с Казыма приходят и дары богатые приносят.

– Так что ж выходит, ежели мы шайтана того медного изыдем, то целый народ без оберега-заступника оставим? – задал вопрос Перегода, но ни к кому не обращался, сам с собою размышлял.

– Ты памятуй, что заступник тот – идол диавольский! – взъярился пресвитер, очами сверкая. – Нет никаких заступников, опричь Иисуса Христа, Пресвятой Девы Марии и святых праведников! Пушай идут с покаянием в церковь и примут крещение, иначе гореть им в аду и никакой шайтан им не поможет!

Перегода потупился, толмач голову опустил. Минуту молча жевали кашу, давно остывшую.

– Алексей, так что там Аутья этот, Обский старик? – нарушил молчание сотник. – Ты вот говоришь, что он на нас взъелся, но мы ж на шайтана Обского старика не заримся.

– Четыре лета назад был я в Лонг-пугле, это там же, в Белогорье. И слышал от местных остяков, что у капища Обского старика обосновался могучий шаман, и звать его... Агираш, – толмач замолк, внимательно глядя сотнику в глаза.

– Как Агираш? – поразился Мурзинцев. – Тот самый Агираш, который с Самаром супротив ермаковских казаков воевал?

– Он самый, – заверил Рожин.

Стрельцы зашумели, загомонили, удивленные, вперебой стали спрашивать, сколько ж шаману лет.

– Полтораста, я думаю, – ответил на то толмач. – А может, и боле.

– Да не может того быть! – отрезал Ерофей Брюква.

– Ты, Ерофеюшка, как Фома неверующий, ей-богу, – вмешался казак Перегода. – Чуть что, сразу не может того быть. У меня прадед сто десять лет прожил и еще бы жил, да пьяный полез коня распрягать и получил копытом в башку, оттого и закончился.

– В Писании сказано, что дети Адамовы девять веков жили, ибо житие их в праведности велось, – молвил отец Никон и для пущей важности перст горе задрал.

– Так что ж выходит, вогульский шаман дите Адамово?! – никак не мог уgomониться Васька Лис, да еще и губы скривил в ухмылке.

– Чего мелешь, дурень! – гаркнул на него пресвитер. – Шайтанщик душу сатане продал за долголетие да способности к ведовству! А как закончится срок его договора, так гореть ему на вечном костре!

– Вася, чем пустозвонить, лучше самовар раскочегарь, – остудил стрельца сотник, тяжелым взором придавил, так что Лис сию минуту поднялся выполнять поручение, а Мурзинцев опять к толмачу обратился: – Что слышно про шамана того?

– Сам я его не видал. Откуда он родом, толком никто не знает. Одни говорят, что он с Пелыма, другие – что он таболдинский, а третьи настаивают, что род его от уральских вогулов. Долго на одном месте Агираш не сидит, шастает по Югре, аки медведь-шатун. Еще говорили, что при нем живет зверек-горностай и что когда шаман к духам в камлании за советом уходит, тот зверек ему навместо проводника. И еще сказывают, что глазами гагары он зреть способен. Где б та птица ни оказалась, через ее глаза и он ту землю зрит. А больше ничего и не знаю.

– Не густо... – заметил Мурзинцев.

– Но и не пусто, – упорствовал толмач. – Вогулы с остяками народ недоверчивый, лишнего из них клещами не вытащишь. То, что мне ведомо, я по крохам годами собирал. Ты пойми, Степан Анисимович, каждый вогул от Конды до Сосьвы, каждый остяк от Сургута до Карымкара, да и вся северная самоядь Агираша знают, за отыра его почитают, заступника в нем находят. А такое на ровном месте не родится. Посему он и вправду могучий шаман, ибо силою трех народов питается, может и Ас-ики с обских глубин вызвать.

– Да на что ему сие?! – удивился сотник.

Рожин помолчал, обмозговывая ответ, Мурзинцев не сводил с него глаз.

– Думаю, чтобы нас задержать, – ответил толмач. – А вогулы тем временем святыни на Белогорье свернут и увезут подальше. Так что Обский старик еще много нам напакостить может.

– Бога душу мать! – не сдержался Мурзинцев и метнул гневный взор на Хочубея, который теперь являлся причиной их заминки.

– Не поминай имя Господне всуе! – гаркнул на него пресвитер. – Вы, маловерные, то ли забыли, что Господь с нами! Богу угодное дело в любом раскладе свершится, и то, что напокамест вазнь шайтанщику улыбаются, ничего не значит! Сатана в мелочи побеждает, да в крупном завсегда проигрывает!

После этого заявления все притихли, да и разговор себя исчерпал. Самовар закипел, и Лис всем наполнил кружки. Долго сидели молча, сербали горячий чай, но потом вдруг взял слово Семен Ремезов, до этого не проронивший ни слова,

хотя толмача слушал с интересом и даже временами что-то записывал.

– У батьки есть память дьяка Переяслова, в ней говорится о рыбном промысле на Иртыше и Оби. Так вот имеется там упоминание о рыбах непомерной величины. В 1678 году прасол (имя запомнил) привез в Тобольск щуку длиною в сажень и два аршина, сторговал ее у остяков. Год спустя в той же памяти упоминается налим длиною в полторы сажени и весом в пять пудов. Также память указывает на 1682 год, когда нанятые рыбопромышленником Заславским остяки выудили щуку длиною в полторы сажени. Важила она под семь пудов. Сдается мне, Степан Анисимович прав: по реке и рыба.

На такое научное обоснование случившемуся с Хочубеем стрельцы снова загомонили, но теперь с облегчением.

– Байки твои интересные, Рожин, да ученость нам истину глаголет! – постановил Васька Лис и тем на разговоре крест поставил.

Но Рожин даже не улыбнулся. Он смотрел поверх стрелецких голов на близстоящую сосну. Там, притаившись на самой низкой ветке, высунув из-за ствола коричневую мордочку, следил за путниками пушистый зверек, с глазками, похожими на смоляные капли, малюсенькими круглыми ушками и пятнышком белого меха на грудке. Встретившись с Рожиным взглядом, горноста́й юркнул за ствол и был таков.

Самаровский чугас

Проснувшись поутру, путники первым делом шли взглянуть, как там их раненый товарищ поживает. Чувствовал себя Хочубей неважно. Жар немного спал, но слабость стрельца одолевала, а попытка помочиться причинила такую боль, что стрелец и пять минут спустя скулил и обильно потел.

– Ты воды много не пей, терпи, потому как каждое испускание мочи заживлению не способствует, а тебе муку приносит, – наставлял Семен Ремезов, засветло уже хлопотавший подле больного.

За ночь натопился деготь, и лекарь, смешав его с медвежьим жиром, залепил той няшой Хочубею рану на ребрах, в паху сменил мох, разболтал очередную порцию коричневой жижи, заставил стрельца глотнуть.

- Смотри-ка, оклемался вроде, - у Мурзинцева от сердца отлегло. - А Семен-то не зря голову на плечах носит!

- Ум бороды не ждет, - присоединился к похвалам лекарю Демьян Перегода.

Семен смутился, потому как и в самом деле единственный из путников бороды не имел.

- Чем ты его отпаиваешь? - поинтересовался Демьян.

- Бобровой струей.

- О как! Так что, Егор, за выздоровление будешь благодарить Ремезова и бобров.

Подошли Лис с Недолей, присели подле пострадальца. Хочубей крутил головой, тарачился на товарищей и спрашивал, что такое с ним приключилось.

- Глупость с тобой приключилась, Егорушка, - ласково, как чаду, ответил на то Васька Лис. - И случилась она с тобой еще при рождении.

- Ты, Егор, знатный рыболов оказался, - вторил Лису Недоля. - На твой уд такая щукенция клюнула! Эко, как ей твой червь приглянулся! Ты давай поправляйся, мы и дальше на него рыбу брать будем!

- И почто нам неводы о коряги рвать, коли одной такой рыбиной мы на три дня себе харч обеспечим! - сыпал остроты Васька.

Мурзинцев с Семеном засмеялись. Рожин стоял поодаль, вглядываясь в Иртыш, на смех обернулся, но не проронил ни слова.

- А еще скажи нам, Егор, ты рыбину рассмотрел? Крест у нее на голове был? - уже серьезно спросил Недоля.

Но Хочубей шуку видел всего мгновение. Улетая с палубы, рассматривать ее стрельцу было некогда, да и не понимал Хочубей, о чем Игнат спрашивает.

– Ладно, хватит мужика изводить, – сказал Перегода. – Ему-то теперь не до смеху. Что с ним делать-то, Анисимович?

– Что скажешь, Семен? – обратился сотник к Ремезову. – Долго ему бревном валяться?

– Неделю, а может, и дней десяток.

– Мда-а-а... Что ж, в Самаровском его оставим, на обратном пути подберем.

Затем сотник велел греть недоеденную вчерашнюю кашу и будить остальных. Час спустя, потрапезничав, перенесли Хочубея на судно, уложили под навес, расселись на веслах. Струги отошли от берега и под слепящей ярью утреннего солнца, которое, казалось, надувало паруса не хуже ветра, побежали по густо-коричневой воде, на север, к Белогорью, к такому близкому Медному гусю.

К вечеру добрались до Реполовского погоста, русской деревушки на дюжину изб, заночевали, с зорькой двинули дальше.

До Реполовского Иртыш петлял и извивался как уж, то сужаясь, уходя в глубину, то разливаясь версты на три. Но за деревней в него впадала Конда, потому Иртыш, и так налитый талыми весенними водами, тут разошелся, левый берег могучим плечом отодвинул и до самой Оби все ширился, так что на подходе к Самаровскому яму заливом разлился.

Самаровскую гору путники приметили верст за двадцать. День шел к завершению, и вечернее солнце красило небо густо-оранжевым, посыпая темную воду Иртыша золотой рябью. Тайга по далекому берегу казалась щетиной скошенной травы, и гора возвышалась над нею, словно круп лося-великана, прикорнувшего на поляне отдохнуть. В лучах заходящего солнца Самаровский чугас лоснился сине-зеленой шерстью, правда, в нескольких местах виднелись светло-песочные проплешины, словно по линьке мех лоскутами отвалился.

– Ух!.. – выдохнул Семен Ремезов в восхищении.

На этот раз он был на ведомом струге, потому как раненого Хочубея поместили сюда же.

– Величава, зараза! – согласился с ним Перегода.

– Алексей Никодимович, а что вогулы про ту гору сказывают? – спросил Ремезов толмача.

– Сказывают, что место это святое, – охотно отозвался Рожин. – В горе обитают огромные звери, у которых рога в сажень длиной. Эти рога остяки и вогулы по берегам Иртыша и Оби находят, иногда и в горе той, ежели копать приходится, и называют манг-онт – земляной рог.

– Так то ж не рога, то бивни, – возразил Ремезов. – Купцы их у местных скупают охотно, в Москве и Новгороде мастеровым резьбы по кости сдают. Я в Тобольске не раз их видал.

– Угу, – согласился Рожин. – Только вот к голове какой зверюги те бивни прилагаются, непонятно.

Семен некоторое время размышлял над чем-то, затем сказал:

– Как-то гостил у нас ученый муж из Персии, он сказывал, что манг-онты схожи с бивнями слонов, но все же не слоновьи. У того перса была рукописная книга о слонах, он и в наши края подался выведать, не родичи ли те животные индийскому слону. Книга была писана арабским, но отдельные главы он нам перевел, да и на рисунки книга была богата: слоны, слонята, слонихи, скелеты, черепа, кости... Вот ежели б сыскать бивень вместе с частью черепа, а лучше с целым, можно было бы сравнить с тем, что в книге перса писалось!..

– В Самаровском поспрашивай на сей счет местных, может чего и подскажут, – посоветовал Рожин. – От остяков я слыхивал, что манг-онты с черепами находили да по неразумению своему от черепа бивни отламывали, потому как купцам черепа без надобности.

– А какие они – слоны? – заинтересовался казак Перегода.

– Демьян Ермолаевич, я такую животину и представить себе не мог! – Ремезов пустился в объяснения пылко – видно, слоны ему крепко в душу запали. – Ростом под полторы сажени, а ваят две сотни пудов, как пять быков то бишь! Ноги толстые и тупоконечные, как та опора, что в Тобольске под гипсовым Ермаком на Софийском взвозе стоит. Задние ноги короче, потому мощная голова сидит возвышенно, величаво. Уши огромные, такие, что из их пары человеку епанчу скроить можно. Носа нет, взамен него хобот огромный, до самой земли достает, и слонам навместо руки служит. Слон хоботом листья рвет и в рот запихивает, воду им набирает, а потом над собой фонтаном разбрызгивает, притом сила в хоботе непомерна, животина легко им бревно весом в десять пудов поднимает и несет версту, не выказывая усталости. Еще трубить умеют, и звук тот за десять верст слышно. У самцов изо рта торчат бивни, но они покороче манг-онтов будут. Живут стадами и нрав имеют кроткий, без причины ни на кого не нападают, но, чуя угрозу, всем стадом защищают свой выводок, так что и льва затоптать могут.

Рожин слушал Семена с нарастающим удивлением и, когда Ремезов замолчал, спросил:

– А шкура? Шкура у них какая?

– Серая, грубая и морщинистая. Голая, без шерсти.

Толмач замолчал, погруженный в размышления.

– Это ж какое разнообразие живности господь придумал! – удивился Перегода. – Такое и вправду, захочешь – не придумаешь. Разве только вон Неделе по пьяни примерещится.

Игнат недовольно хмыкнул, но промолчал, рассказ о слонах и в нем интерес раззадорил.

– А что тот перс? – спросил толмач. – Сыскал он, чего хотел?

– О том не знаю, – отозвался Ремезов. – Он с купеческим караваном в Березов ушел три лета тому назад, и больше о нем ни слуху ни духу.

– Побрали басурманина манг... мамон... оты, – вставил Ерофей Брюква, путаясь в незнакомом слове.

– Ну что за язык у тебя такой, Ерофей? – с укоризной сказал стрельцу Перегода. – Ежели беду постоянно кликать, то она тебя когда-то услышит, попомни мои слова. Да и перс тебе чем не угодил? Он нам знание про слонов принес, ему поклониться в пояс надобно, а ты на него – басурманин.

– Потому как он басурманин и есть, – огрызнулся стрелец. – А про слонов – это еще проверить надо, может, и нет такой скотины на свете.

– Есть, – заверил Ремезов. – Я про них не только от перса слыхивал. Даже сказывают, что в зверинце при государевом дворе слона держат.

Брюква хотел было что-то возразить, но толмач его перебил:

– Есть слоны, нет слонов, не об том печься нужно. Бивни находят, стало быть, есть и те, кто их на голове носит. И тут, Ерофей, уже не об домыслах речь. Да вот беда, не видно что-то тех животин. А потому выводов может быть два. Либо они под землей обитают и на глаза людей не являются, как остяки полагают, либо жили, как прочее зверье, обычной земной жизнью, только было то в незапамятные времена, а потом ушли из этих мест навсегда...

– Или вымерли!.. – выдохнул Семен, пораженный догадкой. – Потопом их смыло, не успели на Ноев ковчег!

– И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. Так «Бытие» глаголет, – прогремел пресвитер Никон, который до того сидел на носу, но, обратив внимание на горячие прения, решил послушать, об чем идет речь, а потому перешел на корму и слова Семена услышал. – Про что спор, чада?

– Да Ерофей вон не верит, что слоны на свете водятся, – ответил Игнат Недоля.

– А может, Ной и не звал тех, что с бивнями на головах, потому как они бесовские создания, – заявил стрелец Брюква. – Я б тоже не взял тварей, у которых рука ко лбу приделана. От диавола те создания, не от Бога. То-то некрести их и чтут.

Ерофей Брюква и сам удивился тому, что сказал, потому как к глубоким размышлениям способности не имел и не стремился. Перегода посмотрел на стрельца с любопытством, толмач с сожалением, Семен Ремезов несогласно покачал головой, а пресвитер нравоучительно молвил:

– Комар на голове жало носит, а пчела на гузне, всяко на человека не похоже. Но мотыль рыбу кормит, а пчелы сладко-лечебный мед добывают. Поелику Господь их не зря к миру пристроил. И про слонов я слышал, и говорили, что нрав они имеют добрый и людям служат с радостью. Какое ж бесовское отродье будет человеку служить с охотой? Господь в разнообразии свое величие проявляет. Двух зорек одинаковых не случается, завсегда небо в разные краски рядится, так и живность всякая по разному месту разный лик иметь потребна. Господь чад своих расселил там, где им жить сподручнее, потому мы тут слонов и не зрим, ибо для жарких земель они созданы.

– Так толмач же говорит, что слоны и у нас тут были! – вскричал Ерофей.

Отец Никон с удивлением на Рожина уставился, Перегода, видя заминку, кратко пресвитеру суть разговора пересказал. Отец Никон задумался, но тут осторожно вмешался Семен Ремезов:

– Святой Серафим пытался высчитать размеры Ноевого ковчега, который вместил бы Ноя с женой, тремя его сыновьями с семьями и всей живностью от каждого рода по паре, да и припасов на полгода...

– Припасов требовалось больше, – оборвал его пресвитер, продекламировал: – И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показали верхи гор. Так что припасов на год требовалось, – помолчал, добавил, недовольно поморщившись: – Про Серофима я слышал и с ересью его знаком. Опирается на нее не следует!

– Владыка, но ведь его расчеты верны! Ежели строить судно, чтоб всех тварей по паре уместить, то судно размерами с пол-Югры получится! Как столько живности разместить на ладье в триста локтей длиной и пятьдесят шириной, как о том в Писании сказано?! Вот и выходит, что Ной не всех тварей взял, и всех взять не мог! Да и потом, он же не плавал по свету, собирая живность, они сами к нему приходили, так, может, не все и дошли, дорога-то для некоторых дальняя, и за год не осилить, к тому же через море. А для наших манг-онтов и вовсе недостижимая...

– У них сто лет на то было, недоросль! – рявкнул пресвитер. – Кого наставлять взялся?!

Семен вспыхнул и задохнулся, но Рожин ему на плечо ладонь положил и придавил, дескать, тихо, не ерепенься. Тут к месту Хочубей заворочался, застонал, и Ремезов, ни слова не говоря, из-под руки толмача вывернулся и к хворому поспешил. Ерофей Брюква снова взялся за весло, словно ничего и не случилось, толмач отвернулся, Перегода на лоб шапку сдвинул и, пряча усмешку, чесал затылок, а пресвитер, недовольно всех обзревши, порывисто поднялся и побрел назад на нос, бормоча раздраженно, что молодежь совсем уважение к отцам потеряла, а потому грядущее в их руках крахом для всего люда обернется.

Рожин выждал минуту, затем вслед за Ремезовым под навес залез, тронул парня за плечо.

– Слушай, Семен, – тихо сказал Рожин. – Как-то давно один казымский остяк рассказывал мне про животное невиданное. Ни до, ни после того описанного им зверя я не встречал, а потому решил, что остяк фантазиями грешит. Но теперь, когда ты про слонов рассказал, сразу вспомнил. Выходит так, что остяк тот свою животину описал слово в слово, как ты слона. Но есть и различие. Твои слоны голые, без шерсти, а та зверюга в густом меху, как медведь.

Ремезов слушал толмача с открытым ртом. Рожин, закончив рассказ, похлопал парня по плечу, мол, сам думай, чего это значить может, и вернулся к румпелю. А Семен поспешно достал писчий набор, раскрыл на чистой странице и написал:

«Вполне может статья, что животные, носители бивней, манг-онтов, все еще водятся в лесах Сибири. Со слов Алексея Никодимовича Рожина мне стало

ведомо, что некий казымский остяк встречал животное, строением напоминающее слона, но в отличие от оногo облаченного в густой мех навроде медведя».

Написав это, Семен подумал, что животному требуется дать какое-то имя, но какое?.. Такое, чтоб и запоминалось легко, и на свое происхождение намекало, на манг-онт то бишь... А как там Брюква бивень обозвал?.. Мамон-от... Да к лешему эти двоесловия – мамонт!

К Самаровскому яму подошли к полуночи, но, поскольку весна была на излете, вечер затягивался, и небо светилось мягким приглушенным светом, так что и за полсотни метров можно было разглядеть, что у пристани толпится народ.

– Кто такие? – донеслось от причала.

– Иисус Христос – Бог ваш, еретики! – возопил Игнат Недоля, за что сию минуту получил подзатыльник от пресвитера, стрельцы заржали.

Струги подошли ближе, и теперь тобольчане увидели, что мужики на пристани держат наизготовку мушкеты.

– Кажись, наши, православные...

– Очи разуй да на стяг погляди! – не смолчал и Васька Лис.

– Точно, флаги Тобольского гарнизона. Дозор, что ли?

– Петр Васильевич, дурно гостей встречаешь! – крикнул сотник, узнав голос старого знакомого. – К тебе посланник Тобольского воеводы Черкасских с дружиной!

– Мурзинцев, ты что ли, вшивая борода?! Я ж чуть было не распорядился по вам пальбу открыть! Чего на ночь глядя приперлись?

– Как Бог положил, так и дошли. Ты, Петро, мушкеты убирай, мы с делом важным, стрелять по вам у нас интереса нету.

Дьяк Тобольского приказа Петр Васильевич Полежалый, давний знакомый Мурзинцева, сотника встретил объятиями, пресвитеру поклонился, благословение испросил, отец Никон дьяка перекрестил.

- Какая ж это дружина, Степан? - разглядывая стрельцов, со смехом спросил Полежалый. - Это ж сброд шелудивый!

- Уж какая есть, - отозвался Мурзинцев, но тут дьяк толмача разглядел.

- Ба! А вот это уже гвардия! - воскликнул он. - Это ж Рожин!

- Здрав будь, Петр Васильевич, - подойдя, приветствовал дьяка толмач с улыбкой.

- И тебе не хворать! - Полежалый Рожина обнял, но тут заметил Семена, воскликнул: - Матерь Божья, а это еще что за хлыщ?! Степан, ты почто отрока в дозор захомутал?!

- Семен, подойди, - окликнул парня сотник, а дьяку ответил: - Это, Петр Васильевич, наш ученый муж, Семен Ремезов, и то, что он ученый, мы убедиться успели.

- Знал я Семена Ремезова, ему теперь годов пятьдесят, а у этого и бороды еще нету, - сказал Полежалый, с недоверием рассматривая парня.

- То тятка мой, - отозвался Семен, приблизившись.

- Вон, значит, как... Что ж, Семен Семеныч, отец твой человек уважаемый, и ежели ты в него пошел, то и тебе мое добро пожаловать.

Дьяк обвел гостей взглядом - отца Никона, Рожина, Семена Ремезова, остановился на сотнике, произнес задумчиво:

- Что ж у вас за дело такое важное, ежели вы помимо ружей церковь с собой прихватили, науку, да еще и лучшего на всю Югру следопыта?

– Об том позже, Петр Васильевич, – ответил Мурзинцев. – У нас хворый в струге, надобно ему уход обеспечить.

– Сейчас все будет, – дьяк засуетился, раздавая ямщикам указания, и уже через полчаса струги были надежно пришвартованы, припасы перенесены в амбары и заперты, караул у причала выставлен, хворый стрелец Егор Хочубей определен в избу одного из местных до выздоровления, а тобольчане устроены на ночлег. Только Рожин с Мурзинцевым спать не легли, а отправились по приглашению Петра Васильевича в приказную избу, на беседу с дьяком.

Полежалый рассказал гостям, что недавно рыбаки принесли весть, будто по Конде вниз к Иртышу идет ватага лиходеев, и за атамана у них Яшка Висельник, матерый вор и убивец, прозванный так, потому что его подельники удавить пытались, да так до конца и не удавили. Зато он их потом всех перерезал. Потому на причале ямщики круглосуточно с ружьями дежурят. Сотник сказал, что об этом требуется известить Тобольск, Сургут и Березов. Полежалый ответил, что гонцов уже разослал.

– Слышал я про этого Яшку, – сказал Рожин. – На руках его крови больше, чем воды в Иртыше. Ежели он по Конде идет, стало быть, от Уральских дозоров тикает. В Тобольск им идти резона нет, там казаки их и на берег не пустят, прямо на воде постреляют. В Сургуте тоже гарнизон добрый стоит, так что Яшка, думаю, к Северной Сосьве рвется, там у него шансов мимо Березовских дозоров проскочить поболее.

– Нам тут только воров не хватало! – с досадой выпалил Мурзинцев.

– Не переживай, Степан, я с этим управлюсь, – заверил дьяк. – Мы тут хоть и без гарнизона, да три десятка мужиков имеем, и все при ружьях. К нам они не сунутся.

– Зато мелкие деревеньки вырежут, с них станется.

– Дальше Самаровского не пустим. С утра речные дозоры организую, перехватим.

Затем Мурзинцев поведал дьяку, что цель их похода – Белогорские кумирни и идолы, которые на них хранятся. Полежалому сотник доверял, потому как знал

его давно, да и помощь дьяка путникам требовалась. Петр Васильевич удивился, на что государю вогульский идол, но с расспросами не пристаивал, понимая, что Мурзинцев и сам до конца мысль государеву не разумеет.

- Остяки-вогулы в Самаровском есть? - спросил Рожин.

- Околачивались, было их шесть душ, все вогулы, но три дня, как ушли.

- Ушли куда?

- Да бог их знает, вниз по Иртышу, к Оби. У них небольшой дощаник со съемным парусом.

- Что ж ты не дознался, чьи они, к какой волости приписаны? - спросил сотник в недоумении.

- У меня указа бдеть за иноверцами нету. До осеннего ясака они вольны гулять, кому куда хочется.

- А дед промеж них был? - допытывался Рожин.

- Кажись, был, а что?

- А выглядел как? Волосы в косы собраны, на голове очелье с бубенцами?

- Ну да, и что с того? Они все волосы в косы собирают, а к одежде пришивают кто что придумает.

- А то. Думаю я, что дед тот - шаман Агираш.

Дьяк в изумлении на толмача уставился, потом рассмеялся.

- Да ты, Алексей, никак мухоморов объелся! - сказал он сквозь смех. - Агираш - то сказка вогульская. Она меж них уже второй век ходит. А спроси любого вогула или остяка, видал ли он того шамана, так сразу в отказ.

– Может, потому и в отказ, что видали, – не согласился Рожин.

– Ладно, с шаманом разберемся после, – прервал спор Мурзинцев. – Что вогулы тут делали? К кому ходили? Об чем выведывали?

– У нас тут купец Сахаров свою лавку держит, вот к нему и ходили. Торговали, наверно. Что им тут еще делать. Выведывать – ничего не выведывали, иначе я б знал. Вогулы народ молчаливый, недоверчивый, ежели с расспросами к кому пристают, такое сразу подозрение вызывает.

– С утра навестим купца, узнаем, чего он вогулам продал, – сказал Мурзинцев толмачу, тот кивнул.

Дальше перешли к хозяйским делам. Рожину при этом присутствовать надобности не было, он спать отправился, а сотник с дьяком сидели до самого утра. Хоть Полежалый и добрым товарищем Мурзинцеву был, но служба есть служба, так что сотник грамоты проверял тщательно и на жалобы дьяка о том, что посевное поле всего одно и родит через год и мало, особо внимания не обращал.

Самаровский ям стоял на перекрестии трех путей, между Тобольском, Сургутом и Березовом; откуда бы ни шли купеческие караваны, Самаровский миновать им было никак нельзя, и это приносило селению добрую и стабильную прибыль. А помимо купцов, посельные ямщицкой гоньбой себе казенный рубль зарабатывали, по весне и осени много рыбы ловили, в тайге птицу и зверя брали, кедровый орех и ягоды собирали. Да и вогулы с остяками на гостиный двор часто захаживали, рыбу, икру и пушнину на продажу приносили. Хлеба в самом деле не хватало, потому как земли сибирские на хлеб не плодovитые, зато прочей провизии было в избытке. Даже чай и табак тут не переводились, хотя если русские чай у купцов покупали охотно, то почти весь табак скупали остяки.

Дьяк, человек хозяйской хватки и крестьянской хитрости, настаивал на том, чтобы хлебную дотацию из Тобольска увеличили, а князь Черкасских, напротив, поручил Мурзинцеву выяснить, можно ли перевести Самаровский ям на своекоштное довольствование. В общем, дьяк и сотник спорили, пили чай, снова спорили, и так пока ночь не закончилась.

Утро выдалось промозглым, негостеприимным. Небо помутнело пятнами, словно плесенью схватилось. Над Самаровским гулял сырой ветер, поднимая на Иртыше волны размером в полметра, а меж домов – столбы пыли. По склонам горы прокатывался низкий гул, – тайга на ветер отзывалась. Пускался ленивый, но холодный и колючий дождь.

Приказная изба стояла в стороне от селения, у верфи. Направляясь на постоянный двор, Мурзинцев миновал два остова будущих судов, торчащие, как обглоданные ребра коровы, и почти готовый струг, уже обшитый, законопаченный и просмоленный, только мачты и такелажа не хватало. По случаю скорого завершения, возле судна корабельщики приготовили бревна-скатни, по которым струг спустят на воду.

Рожин ждал Мурзинцева на постоянном дворе, вместе они отправились в лавку купца Сахарова.

Самаровский ям располагался у подошвы горы, у самой реки, а поскольку весенний Иртыш разливался широко, то ближайšie к реке дома ямщики ставили на деревянные сваи, так что теперь вода плюхалась под строениями, не причиняя им разрушения. У каждой такой избы на привязи прыгала на волнах лодка, а то и две сразу. Причал тремя широкими рукавами-настилами уходил еще дальше в реку, образуя огромный трезубец. Помимо тобольских стругов у пристани стояло крупное торговое судно – парусный паузок. На его флаге красовались черная лиса и осетр – знак Тобольской купеческой гильдии (владельцем судна, должно быть, являлся тот самый купец Сахаров). За паузком тянулся ряд легких ямщицких стругов. У этих на мачтах трепыхались белые знамена с соболями, луком и стрелами – герб Сибирского приказа. Два судна как раз отчаливали на речной дозор, и по такому случаю несли на носгах по пушке-фальконету, а на кормах по пищали.

Мурзинцев с Рожиным миновали причал и, свернув на восток, направились в глубь селения. Дворы располагались группами по кольцу, оставив в центре место под гостиный двор. Каждый двор, огражденный забором или заплотом, имел при себе крепкую избу, амбары, клетки для кур, а многие и флигели. Под навесами в ожидании гоньбы стояли сани, телеги и подводы. Вдоль улочек росли юные березки, по весне уже расцветшие липкими изумрудными листочками. Почти у каждого ворот стояли скамейки, а кое-где и столы с навесами-козырьками. Хлевои и конюшен во дворах не было, их местные ставили за селением, на скатах Самаровского чугаса, а то и на самой вершине,

ближе к полянам с сочной травой.

Толмач с сотником ступили на гостиный двор. Лавка кожевников еще не открылась, и следующая за ней скобяная – тоже, но кузня при скобяной лавке уже коптила, и под навесом кузнец месил молотом лепешку бардовой крицы – по коротким ночам можно и с раннего утра за работу браться. Через двор напротив от кузни расположилась харчевня с пристроем для винного склада, за ней теснились зерновой и соляной амбары, а еще дальше изба и флигель купеческой гильдии. По эту сторону двора тянулись торговые палаты и лавки. Венчал гостиный двор деревянный храм Николая Чудотворца, о трех крытых лемехом главках с крестами, с образом Спасителя над центральным входом и небольшой, на один колокол, звонницей. За храмом виднелись кладбищенские голбцы.

Селение помаленьку оживало. Торговые люди, зевая, выходили во двор, снимали щеколды со ставен своих лавок, ругали нерадивую погоду, похохатывая, приветствовали друг друга, зазывали в свои пенаты толмача с сотником, суля хорошую цену, как первым посетителям. Где-то затюкал топор, плюхнулось в колодец ведро, закудахтали куры, заскулила на ветер собака. А дальше, за межой селения, бабы и детвора уже карабкались по склону чугаса к хлевам и конюшням, кормить и доить скотину да гнать на выпас – на самую гору, где по полянам рассыпался сочный весенний клевер.

Вскоре открылась и лавка купца Сахарова. На расспросы толмача и сотника купец отвечал уклончиво, неохотно, смотрел на гостей настороженно, даже враждебно. Но когда Мурзинцев предъявил грамоту с печатью Тобольского приказа, которая ему давала право вести и сыск, и дознание, а вместе с дьяком и суд, сознался, что три шкуры красной лисы выторговал у вогулов за медный казан, полпуда табаку, десяток самоловов на рыбу и два ножа дамасской стали. То бишь прибыль поимел хорошую, потому и не торопился хвастаться. Своим словам в подтверждение показал бумагу учета.

Толком ничего не выяснив, Мурзинцев с Рожиным покинули лавку Сахарова. Но когда они вышли за гостиный двор, их нагнал мальчонка лет десяти и вцепился Мурзинцеву в подол кафтана.

– Чего тебе, отрок? – спросил сотник. – Кто таков?

– Матвей я, Залепин, – тяжело дыша от бега, ответил парнишка. – У купца Сахарова в посыльных числюсь. Наврал он вам, слышал я, как он с вогулами торговался. Дядя, ты ж от тобольского воеводы? Накажи его, а?

– Вот те на! – удивился Рожин. – Что ж ты своего благодетеля под суму подводишь?

– Благодетель, как же! Он не только ясачный люд обирает, но и православного в голь пустит, только б себе мошну набить. Да и дерется по любому пустяку! – парнишка засопел, вспомнив пережитые обиды.

– Я этим купчишкой на обратном пути займусь плотно, – сказал Мурзинцев толмачу, а у парнишки спросил: – Так что он вогулам продал?

– Медный казан, самолоры, два ножа добрых – то правда, но остальное соврал. Табак он им не торговал, зато продал полпуда свинца и порох. Полный казан пороху.

Мурзинцев в сердцах плюнул, порывисто развернулся сию минуту к Сахарову идти, но Рожин его за плечо ухватил.

– Никуда он не денется, а нам теперь об другом печься надобно. Вогулы-то у нас при ружьях получают.

Сотник глубоко вздохнул, успокаиваясь, Рожину кивнул, дескать, прав ты, повернулся к пареньку.

– Молодец, Залепин Матвей. От Тобольского приказа тебе благодарность и награда, – с этими словами Мурзинцев пошарил по карманам, из одного выудил копейку, а из другого узелок с кусочком сахара, вручил обрадованному парнишке. – На пост воротись и внимательно слушай, как твой хозяин дела ведет, все запоминай, мы через день-другой воротимся, тогда твоего купчишку и прищучим.

Матвей убежал. Сотник проводил его взглядом, сказал мрачно:

– Знает же, гнида, что ружья и порох продавать иноверцам невозможно. Кабы не Медный гусь!.. Ну да ладно, опосля разберемся. А теперь нам, Алексей, выступать без промедления надобно.

Рожин не возражал, хотя погода портилась на глазах. Решили только в храме утреннюю службу отстоять. Что и сделали, после чего навестили стрельца Хочубея попрощаться, наскоро перекусили, споро собрались и отчалили.

Отдав концы, струги медленно, неохотно отвернулись от берега, двинулись неуверенно, на волнах качаясь, поскрипывая, постанывая. Порывы ветра врезались в паруса, словно кувалда в стену, да с разных сторон, так что судна дергались, рыскали. От парусов толку не было, убрали, пошли на веслах.

Самаровский чугас теперь не был похож на уставшего лося, сейчас он казался тяжелой опрокинутой баржей, чьи борта давно прогнили, посерели, речной травой поросли. По верхушкам деревьев у подножия горы, как по воде, бежали волны, и казалось, что баржа-чугас медленно дрейфует по таежному морю на юг, в теплые ласковые края, прочь от лютой непогоды.

А небо все мрачнело, наливалось сизым. Дождь, как и ветер, налетал внезапно и так же внезапно прекращался, словно кто-то, может сам вогульский бог Торум, бросал с неба в Иртыш горстями воду. Рожин и Мурзинцев, каждый на корме своего струга, упрямо всматривались вдаль, туда, где за стеной дождя и ветра притаилось Белогорье, идольское капище, ходу до которого оставалось каких-то три десятка верст.

Поступь Куль-отыра

Часов шесть гребли без перерыва, но едва ли одолели десяток верст. Ветер больше не метался, определился с направлением и тугим напором гнал холодные воздушные массы на юг, противясь продвижению судов. Стрельцы, вымотанные, промокшие насквозь, роптали.

– Куда бы то капище делось, – ворчал Васька Лис, сопя от натуги. – Чего в непогоду-то поперлись?

Мурзинцев был непреклонен, он и сам за весло садился, подменяя то одного, то другого, чтоб передохнули, хотя не спал вторые сутки.

Наконец вошли в устье Иртыша. Обь здесь текла по ходу солнца, строго на запад, и только за Белогорьем плавно изгибалась на север. Если после Реполово Иртыш походил на залив, то Обь-царица распласталась морем. Левый берег разглядеть не удавалось, в хляби дождя он таял, с окоемом сливался. Холмы Белогорья покоились на южном берегу, но по такой погоде никакие ориентиры разглядеть не удавалось, и вполне могло стать, что тобольчане проскочат Белогорье. Поэтому сотник решил идти вдоль левого берега, насколько это возможно, и просигналил Рожину вести судно на юг, как можно ближе к пойме. Струги, кренясь на левый борт, повернули и поползли к далекому берегу.

Но затем ситуация загадочным образом переменилась. Началось с того, что Рожин услышал глухие тяжелые звуки, словно где-то далеко отыр-великан бухал о землю булавой в сотню пудов весом. Звук был едва различим, и толмач его слышал не столько ушами, сколько грудью и животом, где эти удары вибрацией во внутренностях отдавались. Удары следовали друг за другом мерно и монотонно, и казалось толмачу, что это сам Куль-отыр, владыка вогульского подземного мира, идет под землей, сотрясая ее глубины тяжелой поступью. Рожин, чуя беду, но не понимая, откуда она явится и в какие одежды нарядится, вцепился в рукоять румпеля так, что костяшки пальцев побелели, и до рези в глазах всматривался в горизонт. Толмач насчитал семь ударов, и на последнем ветер и дождь оборвались. Пространство словно саблей отсекло, и струги, лишившись сопротивления стихии, прыгнули вперед, так что носы судов над водой задрались. Стрельцы весла подняли, вокруг удивленно озирались, и удивляться было чему. Обь была темна и густа, как деготь, небо – синее до черноты, зато воздух светился, и теперь левый берег был виден четко, и на нем, правее хода судов, величественно белели, словно девичьи груди, два первых холма Белогорья. Никаких звуков больше не было, и на реку обрушилась тишина, плотная, как медвежье сало. И среди этой тишины, меж двух черных бездонных пропастей воды и неба, в замершем воздухе, казалось, что остановилось и время, а струги, против всех мирских законов, проскочили пределы жизни и очутились во владениях вчерашнего дня, где нет ни людей, ни богов, ни смыслов.

Но тишина длилась недолго, с полминуты, а потом с юго-востока, от Самаровского яма, донесся пушечный залп, и следом свистящий плевок

пищали и тут же – сиплый кашель мушкетов. Звуки пальбы были едва различимы, и, если бы не гробовая тишина, услышать их было бы невозможно. Толмач оглянулся всего на мгновение, Самаровский далеко, пули сюда не достанут, и снова вернул взгляд туда, где совсем недавно мерно бухало пугающее нечто. Но на ведомом струге Мурзинцев, бывалый вояка, каждой жилкой реагирующий на выстрел, теперь смотрел не в сторону Белогорья, а туда, где раздавалась стрельба, пытаясь угадать ход сражения. Да и стрельцы бросили весла, с банок поднялись, фузеи с плеч сняли, готовясь встретить неприятеля огнем. Все понимали, что речной дозор перехватил судна Яшки Висельника и меж ними завязалась баталия, и ни до кого, кроме Рожина, не доходило, что удайся Яшке проскочить Самаровский ям, до Оби ему останется идти еще часов пять-шесть. Пальба скоро стихла, но стрельцы продолжали смотреть назад, на юго-восток, ничего там не видя, в то время как беда шла с другой стороны.

– Левый борт на весло! Правый табань! – заорал вдруг Рожин, и в крике его было столько мрачной решимости, что стрельцы, не раздумывая, ружья за спины закинули, на банки попадали и схватились за весла.

С северо-запада тихо и неизбежно надвигался вал черной воды высотой в добрую избу.

– Оба борта на весло! Навались, навались!..

Головное судно, управляемое Рожиным, успело повернуться носом к волне и набрать скорость.

– Держитесь, братцы! – успел крикнуть толмач, вцепившись в рукоять румпеля обеими руками.

Струг врезался в водяной вал, как в тесто, завяз, пополз носом по фронту волны, задираясь, грозя опрокинуться. Тишина треснула, порвалась в клочья, стайей перепуганных ворон разметалась над водным простором. Обезумевшая Обь с грохотом камнепада обрушила на палубу водяной шквал. Река ревела, изрыгала проклятия, бесновалась. Пласт воды прихлопнул палубу, как ладонь муху, ударил, покатился, вышиб с судна все, что было худо закреплено, врезался с разгона в мостик румпеля и, не способный остановиться, накрыл корму вместе с толмачом серебряным куполом, обрушился в реку позади судна, превратив

воды за кормой в шипящую пену.

Стрельцам со страху сил добавилось, так что гребли они втрое ретивее. Судно грузно переползло гребень волны и ухнуло вниз, набирая скорость, а следом уже шла следующая волна, и Рожин знал, что число им – семь и каждая будет больше и злее предыдущей.

Когда волны все же прошли и струг, покачавшись в штиле, застыл, борта его дрожали, вибрировали, словно это не судно, а загнанная лошадь замерла посреди дороги, дрожа всем телом и силясь не рухнуть замертво.

От напряжения у Рожина перед глазамиплыли алые пятна, и все, что он мог разглядеть, это фигуру пресвитера Никона. На фоне слепяще-белых холмов Белогорья пресвитер в черной рясе стоял во весь рост, разведя в стороны руки, превратив себя в крест, и, еще не осознав, что беда миновала, продолжал вещать молитву:

– ...Распятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшего, и поправшего силу дьявольскую, и даровавшего нам Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата! Да укрепит нас во вере и во силе Животворящий Крест Господень! Аминь!

Крест православия шел в земли иноверцев, и ничто не могло остановить это движение. В ту секунду Рожин вдруг понял, что отец Никон весь шторм вот так простоял крестом на палубе, и река его тронуть не посмела, а потому слушал пресвитера с благоговейным трепетом и даже подумал: уж не молитва ли священника их уберегла?.. Но следом толмач разглядел, что отец Никон привязан к мачте канатом, и испытал разочарование.

Ведомому судну повезло меньше. Мурзинцев поздно осознал угрозу, и его струг не успел развернуться носом к волне. Вал врезался в борт под углом. Судно резко накренилось, выкинув за борт двух гребцов. Волной смыло шлюпку; по левому борту у Васьки Лиса сломалось весло; засвистели лопнувшие канаты такелажа. Но струг устоял, не опрокинулся, хотя волна развернула его почти поперек удара. Следующие две волны гребцы пытались развернуть судно носом к валу, но они лишились двух гребцов по правому борту, а на левом Васька Лис все никак не мог вставить в весельный порт запасное весло. Стихия швыряла судно, как берестяной завиток, и на шестой волне, когда струг вскарабкался на гребень, оборвались последние ванты, рей крутнулся вокруг мачты и раскрученным гасилом отлетел в сторону, а сама мачта, потеряв опоры,

качнулась туда-сюда и вдруг лопнула. Перевалив гребень, струг полетел вниз, и вслед за ним, как копье катапульты, летела мачта. Она пробила и палубу, и корпус, завалилась, с треском ломая настил палубы и планширь, и в завершение разрушений раскроила череп стрельцу Ивану Никитину. Последняя волна не смогла опрокинуть судно, с пробитым бортом струг быстро набрал воду и от того отяжелел, осел. Когда судно Рожина пришло на помощь, струг Мурзинцева сидел в воде почти по планширь. Стрельцов, выкинутых за борт, нигде не было видно, зато вокруг, куда хватало глаз, река пестрела обломками обшивки, щепами, обрывками канатов. Плавали там и бочонки с водкой, кубышки с жиром и маслом, кузова с сухарями. Мешки с зерном, плавучестью не обладая, ушли на дно рыбы на корм.

Уцелевшие перебрались на струг Рожина. Перенесли тело стрельца Никитина, к тому моменту испустившего дух, и те немногие запасы, которые не расшвыряло волнами. Отошли от покалеченного судна. Около часа сновали меж обломков, вылавливая провизию. Подобрали рей и шлюпку. С отчаянием всматривались в темную воду, надеясь разглядеть тела товарищей, но так никого и не нашли – Обь забрала их безвозвратно.

Мурзинцев был настолько мрачен, что стрельцы опасались на него глаза поднять, сопели, молчали, только отца Никона было слышно – стоя на носу, он молился о душах утопших.

Струг Мурзинцева, лишившись балласта, ко дну не пошел. Бросать его не стали, зацепили за бушприт канатом и потащили к берегу. Из-за обузы гребли еще часа два; пошло мелководье. Рожин теперь был на носу. С лотом в руках он мерил глубину, отдавал маневровые команды. К самому берегу подойти все равно не удалось, метров за двадцать бросили якорь, добрались на шлюпках.

Покалеченный струг решили оставить здесь. Чтобы выволочь его на берег и залатать пробоину, требовалась помощь, которую, кроме как в Самаровском яме, взять было негде. Так что судно затащили на мель и закрепили, привязав канаты к близстоящим деревцам. Мурзинцев дал стрельцам час на отдых. Путники повалились в траву, помалкивали; никто не решался заговорить первым.

– Мы что, Обь пулей пролетели? Прозевали, как в море вышли? – наконец не выдержал Васька Лис. – Откуда такие штормы на реке?

- То не шторм, ветра ж не было, - заметил Демьян Перегода.

- В полный штиль река волны подняла, - закивал Недоля, соглашаясь с казаком. - Нечистая сила, не иначе. Водяного козни.

Сотник поднял на толмача тяжелый взгляд.

- Что скажешь, Рожин? Что это было-то? - тяжело спросил он, неторопливо жуя левый ус.

Толмач оглянулся на Мурзинцева, ответил:

- Поступь Куль-отыра, должно быть. Агираш на капище в бубен бьет, а Куль-отыр под землей отзывается, шаг делает - Обь стеной встает.

- Должно быть? - переспросил сотник.

- Откуда ж мне знать, я к Куль-отыру в вогульскую преисподнюю не спускался, - Рожин пожал плечами.

- А это еще кто такой, Куль-отыр? - спросил Игнат Недоля.

- Сатана вогульский, разве не понятно?! - отчего-то разозлился Васька Лис. - Ты, Игнат, порою тупее полена!..

- Отставить! - устало, но веско скомандовал сотник, увидев, что Недоля уже поднялся Лису затрещину отпустить. - Беречь силы, отдыхать.

Недоля коротко на товарища ругнулся, плюхнулся на место, спросил задумчиво:

- А может, и вправду живет под землей великан?

- Чего?! - Лис поморщился, скосил на товарища глаза.

- Мне дед так сказывал: встарь люди были божики, а мы люди тужики, а позднее еще будут люди пыжики: двенадцать человек соломинку будут поднимать так,

как прежние люди поднимали такие деревья, что нынешним и ста человекам не поднять.

- Ты об чем это? - не понял Ерофей Брюква.

- О том, что народишко мельчает, что не ясно-то? - ответил за Недолю Васька Лис, Игнат кивнул, продолжил:

- Богатыри-великаны раньше везде жили, так, может, тут остались?..

- Великанов за версту видать, - отрезал Ерофей Брюква. - Байки о них давно бы до Тобольска дошли. Что ж не слышно про них?

- Богатырь на то и богатырь, чтоб по земле открыто ходить да бесов в честном бою побеждать, - пробасил отец Никон. - А ежели он под землей прячется, какой же из него витязь! Это сатана нам козни чинит. Ну да сила молитвы любую преграду сломит!

- Кости Митьки да Андрюшки Обский старик уже обглодал, наверно, а Никитин вон, бедолага, перед Богом без башки предстанет, - мрачно, с затаенной злобой произнес Васька Лис. - Что ж, владыка, твоя молитва их не уберегла?

- А потому и не уберегла, что мало в них веры было! - гаркнул пресвитер, распалаясь. - Ты, небось, дурачина, придумал себе, что коли крестик нательный тебе на шею надели, то того и достаточно?! Крещение - то только врата, а за ними до спасения еще длинный-предлинный путь. И путь тот тернист и ухабист, понеже без веры твердой, как железо-булат, в пути том обязательно сгинешь!

- Булат твердый, кто ж спорит, токмо хрупкий, в морозы ломается, - пробурчал себе в бороду Васька Лис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nemec_evgeniy/mednyy-gus

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)